

Компас-клуб

Джо Гудмэн

Все в его поцелуе

2004

Гудмэн Д.

Все в его поцелуе / Д. Гудмэн — 2004 — (Компас-клуб)

Самый забавный, самый невероятный, самый закрытый клуб лондонского света – Компас-клуб. Четверо отпетых холостяков, поклявшихся никогда и ни при каких обстоятельствах не поддаваться женским чарам. Однако... мужчины предполагают, а женщины располагают! Перед вами – история авантюриста и соблазнителя Эвана Марчмена, герцога Уэстфала, к которому обратилась за помощью молоденькая учительница Рия Эшби, взамен предложив... себя! Эван не в силах отказаться от такого предложения, но он даже не предполагает, что опасная игра с Рией станет для него первым шагом в мир подлинной страсти и настоящей, всепобеждающей любви!..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	40
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Джо Гудмэн

Все в твоём поцелуе

Пролог

Август 1798 года

Уэстфал-Эстейт

Он никогда не сможет чувствовать себя в своей тарелке.

Так будет всегда. Такова правда жизни – правда его жизни. Он понимал, что подобная закономерность пошла с самого его рождения, хотя при рождении он еще не мог осознать этот непреложный факт. Он не мог определить точно, когда на него свалилось подобное знание, – не то чтобы знание, а даже внезапное прозрение. Скорее, истина пробивалась к его сознанию так, как пробивается к поверхности земли подземный родник. Она приходила к нему постепенно все двенадцать лет его жизни, и вот сейчас ключ забил.

Эван Марчмен шпионил, уютно устроившись на толстом суке каштана, спрятанном глубоко в кроне. Он обозревал окрестности, не опасаясь, что его могут заметить снизу. Когда листва заслоняла обзор, ему стоило только слегка пригнуть голову в просвет. Его могли заметить лишь в том случае, если бы он сам захотел, но он совсем не хотел попасть в руки неприятеля.

Он не желал, чтобы его пытали. А пытаться будут.

Он старался выкинуть плохие мысли из головы. Лучше бы с дерева упасть и шею себе сломать, чем оказаться в руках врага. Лучше положить конец собственному существованию, умышленно оступившись, чем попасть в темницы герцога. Иголки под ногти. Испанские сапоги. Раскаленные щипцы. Плети. Дыба.

Эван вовремя осадил себя. То, о чем ему совсем не нравилось думать, само постоянно приходило на ум. Шпион должен воспитать в себе множество качеств, в первую очередь умение владеть собой и довести данное умение до совершенства, хотя до последнего Эвану еще далеко. Немало найдется дел, к которым можно приложить силы. Но начинать надо с себя, прежде всего – научиться умению посмотреть на себя со стороны. В такой позиции есть свои преимущества. Со стороны можно увидеть много забавного в каждом, в том числе и в себе. Ухмылка сползла с лица Эвана Марчмена, пропала и ямочка на левой щеке – он весь превратился в слух.

Он услышал их, прежде чем заметил. Где-то там, на зеленой лужайке за дальним пастбищем. Звуки дошли не только до него – одновременно с Эваном повернули голову и пасшиеся неподалеку овцы. Но овцы есть овцы – что им до компании разряженных господ, едущих на пикник!

Эван теперь мог их видеть. Из-за крутого поворота от усадебного дома к озеру приближались две кареты и несколько всадников на отличных рысаках из конюшни герцога. Всадникам приятнее ехать верхом по зеленой траве. Кони легко брали невысокий подъем холма. Эван не мог различить со своего расстояния ни отдельных голосов, ни звуков, но у него не оставалось сомнения в том, что компания ехала веселиться. Щebet птиц, шум ветра и шелест листвы временами перекрывали раскаты смеха участников.

Он понимал, что пора покинуть насиженное местечко в ветвях дерева. На самом-то деле Эван не шпионил, просто, не имея иного занятия, он наблюдал за веселящейся компанией, хотя его мама не одобрила бы такое времяпрепровождение сына. Выходя из дому сегодня утром, он сообщил ей, что идет на рыбалку. У него хватило ума прихватить с собой для прикры-

тия удочку. В любом случае он нашел бы способ убедить мать, что идет заниматься полезным делом, а сам бы пришел сюда.

Он узнал, что герцогиня задумала устроить пикник для развлечения гостей. Информация дошла до него через множество людей. Герцогиня сказала о своем намерении секретарю, тот обмолвился с главным дворецким, последний сообщил шеф-повару, тотчас ставшему отдавать соответствующие распоряжения поварьям, которым ничего не оставалось, как приниматься за дело. А Эван узнал о готовящемся событии от одного из мальчишек, скребущих полы на кухне. Тот паренек, едва ему удавалось вырваться из господского дома, начинал рассказывать обо всех событиях, происходящих там. «Рехнулись», – высказался Джонни Браун, узнавший о пикнике.

– Только совсем уж чокнутые, – говорил, закатывая глаза, Джонни Браун, – могут находить удовольствие в том, чтобы, сидя на колючей траве, пировать вместе с муравьями и кроликами. У них у всех просто мозги набекрень, не как у нас, нормальных людей. В доме три огромные столовые и комната для завтрака на целый гарнизон, а герцогиня решила вытащить гостей к озеру, чтобы там кушать. Я понимаю, если бы они поехали туда рыбу ловить себе на ужин. Нет, может, кто и станет рыбачить, но не для того, чтобы пойманную рыбу потом съесть, а так – для удовольствия. – Джонни покачал головой, наглядно демонстрируя свое недоумение, и, сплюнув, повторил: – Рехнулись они там все, вот что я скажу.

Эван в своем мнении по данному вопросу определился еще не вполне, а поэтому предпочел промолчать и не противоречить Джонни. Он ничего не имел против пикников и весьма снисходительно относился к материнскому пристрастию к ним. Хотя рыбу на ужин они ловили себе сами и потом с удовольствием готовили ее, заворачивая некрупную форель в листья лопуха и запекая на камнях, сильно разогретых в маленьком костерке. Нежный, с дымком аромат щекотал ноздри – в доме такого запаха не почувешь, и еще что-то радостное содержалось в том, что они ели на свежем воздухе, по крайней мере, у матери всегда поднималось настроение. И ни Эван, ни его мать, ни разу не заметили, что трава колкая.

Возможно, герцогиня не так уж сильно отличалась от его матери. Возможно, и у нее прояснялось на душе оттого, что сидит она на зеленой траве, под синим куполом неба. Вспоминая, как блаженно улыбалась на природе мать, Эван не мог осуждать герцогиню за то, что и она извлекает из пира на траве то же ни с чем не сравнимое удовольствие.

Однако он не должен попадаться на глаза герцогине, иначе она очень рассердится и пожалуется герцогу.

И чтобы не смущать герцогиню, не злить герцога и не навлекать позор на себя лично, Эван замер как статуя.

Первыми на пикник прибыли всадники – четверо мужчин и две женщины. Одной даме помогли спешиться, другая спрыгнула на землю сама. Двое мужчин отвели коней в тенистую рощу на краю леса и оставили их там пастись. Эван видел, как они приближались, но никому не пришло в голову поднять глаза на деревья, да и кони не проявили беспокойства. Пока все шло как надо. Он чувствовал себя в безопасности.

Вскоре подоспели и те, кто ехал в карете, весьма оживленно выражая свой восторг по поводу погоды, природы и красот ландшафта. Обзор у них неплохой, но в сравнении с тем, что мог видеть Эван, он никуда не годился. Только Эван, единственный из всех присутствующих, мог любоваться озером на всем его протяжении. Только он мог видеть, как меняет свои оттенки вода, как по озеру пробегает зыбь, как поверхность переливается, делаясь местами серебристо-серой, местами почти голубой. Отсюда как на ладони он видел холмы – их вершины, усеянные дикорастущими цветами, клонившиеся от ветра острые стебельки осота – зеленый бархат с рассыпанными по нему золотистыми, белыми, малиновыми огоньками цветов. Его горизонт распространялся несколько дальше, чем у них там, на земле. Он мог созерцать Уэстфал-Эстейт

во всем его раздолье. Гости герцога могли довольствоваться лишь жалким лоскутом, в то время как ему, Эвану, досталось все целиком.

Гости рассыпались веером по берегу озера, выискивая места, для того чтобы расстелить на траве одеяла и расставить корзины. Женщины в шляпках, украшенных лентами цвета лепестков мяты и земляники, и коротких платьях в горошек в тон лентам на шляпках казались яркими и полными жизнелюбия, словно они сами составляли органичную часть пейзажа. Даже мужчины, за исключением герцога, тоже смотрелись весьма органично. В бежевых хлопчатобумажных бриджах, в коротких двубортных камзолах – спенсерах, в свободного покроя рубашках, они, нисколько не стесняя себя в движениях, могли удить рыбу, играть в мяч и даже подремать на травке. Большинство успело снять головные уборы. Собственно, первое, что они сделали, прибыв на место, – скинули шляпы, побросав их на расстеленные одеяла.

Герцог Уэстфал оставался в бобрике – одежде из меха бобра и шелка, которая куда уместнее смотрелась бы в чинной обстановке лондонского парка. Руки его обтягивали перчатки из лайки, в правой руке он держал трость. Белые брюки из плотного тика, безукоризненно выглаженные, без единой складочки после сидения в карете, выглядели столь же безупречно, как и острые, словно лезвие ножа, отвороты воротника рубашки. Куртка идеально сидела на его фигуре, подчеркивая ее атлетическое сложение и завидный рост. Он не смеялся непридуманно и беззаботно, как другие гости, словно суровость и строгость обличия отвечала его настроению в данной ситуации, так же как развязность и некоторая легкомысленность гостей.

Эван наблюдал, как герцог подал руку герцогине и повел ее к расстеленному для них пледу. Хрупкая до болезненности герцогиня имела редкий цвет лица, как у фарфоровой куклы, однако черты ее лица, слишком крупные для такой хрупкой женщины, поражали. Костлявый длинный нос, обтянутые кожей широковатые скулы, запавшие глаза – так выглядит человек после изнурительно долгой болезни. Наряд герцогини, одетой так же ярко, как и ее гости, цвета зеленого яблока, плохо гармонировал с цветом ее кожи, поскольку бледность ее отдавала в зелень.

Эван успел отчетливо увидеть ее лицо, когда она, повернувшись к мужу и чуть запрокинув голову, сказала ему несколько слов. Взгляд ее был устремлен куда-то чуть повыше плеча мужа – как раз в том направлении, где находился пункт наблюдения Эвана, и тот испугался, что она его тоже увидела. От страха лицо его стало таким же бледным, как у герцогини.

Но она его не увидела. Она улыбнулась герцогу и плавно нагнула голову, отвернувшись от него. Эван, не смеявший вздохнуть, почувствовал, как его сердце, чуть не остановившееся, снова застучало в нормальном ритме. Эван обрадовался, что не выдал себя ничем и не поддался панике.

Может, у него все же имелись задатки, чтобы стать настоящим шпионом? Стать шпионом предложил его друг Саут.

– Почему именно шпионом ты решил меня сделать? – спросил он тогда. – Почему не юристом? Или хирургом? Я мог бы стать путешественником.

– Так надо, – безапелляционно ответил Саут. – Для рифмы: «Норт, Ист, Саут и Уэст. Дружбу время не разьест. Вовек врагам не покорен Солдат и Мастер, Моряк и...» – Саут сделал драматическую паузу. – Ну, что туда подходит? Не «юрист» же? Ты сам видишь. Нельзя ломать рифму. Рифма – вещь серьезная.

Эван принял во внимание доводы друга и согласился стать шпионом.

– Вот и славно, – кивнул тогда Ист, довольный, что все уладилось, и вместо рукопожатия предложил Сауту миндальное пирожное.

Норт потерял переносицу своего породистого носа – жест, которым он напомнил всем о мужественном поступке Эвана, сломавшего его изящный нос, придав тем самым его внешности излишек своеобразия. Все они сошлись на том, что если Эвана поймают, совсем не будет для него лишним дать врагу по носу. Но в его планы драка с врагом не входила.

Между тем Эван перевел взгляд на более юных участников пикника у озера. Среди гостей находилась добрая дюжина детей. Старший из них, наследник Уильям Фэйрчайлд, лорд Тенли, на два года младше Эвана, сейчас занимался с детьми, организовывая интересную игру в прятки. Он решал, кто будет прятаться, а кто – искать и кто куда должен идти. Его визгливый и громкий голос то и дело срывался и давал петуха. У Эвана голова заболела от его визга. С каким бы удовольствием он сейчас заехал ему по физиономии!

То ли из страха, то ли из уважения, но все остальные дети слушались его. Эван знал по имени лишь младшего из них. Маленькую девочку с копной белокурых волос, настолько светлых, что на солнце они казались белыми, звали, как выяснил Эван, Рия. Не успели гости высидеться из карет, как ее то и дело стали окликать все кому не лень. «Рия, иди сюда». «Рия, не любопытствуй». «Рия, держись подальше от лошадей». «Рия». «Рия!» Эван невольно спросил себя, отчего они не стреножили ее, как лошадь. Или, по крайней мере, не надели на нее вожжи.

– Мария! – позвал ее Уильям.

Так, значит, она вовсе не Рия, подумал Эван, а Мария. Наблюдая за тем, как она бегала среди гостей, прыгала по одеялам, забиралась в высокую траву, всегда на волоске от того, чтобы не свалиться куда-нибудь, Эван решил, что окрики вполне оправданны, как оправданно и сокращение ее имени. Чем короче имя для такой непоседы, тем лучше. Кто-то, наверное, отец девочки, едва успел поймать ее, до того как она влетела в корзину с припасами возле одеяла герцогини.

Герцогиню такое поведение маленькой гостьи, похоже, нисколько не беспокоило. Даже наоборот. Она помогла ей встать на ноги, погладила по пышным белокурым волосам и ласково заговорила с ней. Эван не удивился: про герцогиню говорили, что она любит детей. Герцог тоже проявил к шалунье не меньше внимания. Он подхватил девочку на руки, подбросил в воздух, заставив закричать от радости. Он улыбался, когда она заколотила его по груди, требуя повторения, и его светлость откликнулся на ее требование без промедления.

Никто в округе и подумать не мог, что герцог любит детей.

Считалось, что он их просто не замечает. Эван и сам бы не поверил, если бы не увидел все своими глазами.

Он решил, наконец, сосредоточиться на созерцании пикника в целом. Уильяму, лорду Тенли, не составило труда заставить некоторых взрослых присоединиться к игре в прятки, и очень скоро участники игры рассредоточились по окрестностям. Естественно, в поисках секретного убежища все кинулись в лес, но никому не пришло в голову использовать в качестве убежища крону каштана, в которой прятался Эван. Игра закончилась меньше чем через час, и лорд Тенли предложил гостям играть в пятнашки, потом в жмурки и, наконец, в захват флага. Игроки разгорячились. Раздевшись до сорочек и панталон, участники игры, включая взрослых, попрыгали в озеро, чтобы охладиться. Их крики, смех, плескание вынудили почтенное семейство уток искать более спокойное место для отдыха.

Устав от беготни и энергичных движений, компания решила отдохнуть, расположившись на одеялах. Открылись корзины со съестным, и начался пир. Из корзин вытаскивали жареную говядину, баранину и цыплят, караваи свежего хлеба, в изобилии – фрукты, сыр и вино. Гости занимались в основном едой. Даже лорд Тенли прекратил командовать. Он выглядел вполне довольным жизнью, растянувшись на стеганом одеяле, подставив солнышку живот. Кто-то из гостей уснул, кто-то читал, кто-то играл в карты.

В целом картина выглядела довольно мирно. Наблюдать за мирно почивавшими людьми довольно скучно, но Эван считал, что шпион должен уметь преодолевать скуку – такова профессия. Он мысленно перечислил всех известных ему богов и богинь из греческой мифологии, затем тех же самых богов и богинь, но уже в римской традиции, затем всех королей и королев согласно династической линии всех известных стран Европы, начиная с Карла Великого. Когда он вернется в Хэмбрик-Холл через несколько дней, он поспорит с Саутом и остальными

членами их компании на пару фартингов, что сможет перечислить всех упомянутых королей за одну минуту. И это наверняка произведет на них впечатление, а может, и принесет ему несколько нелишних монет. Он пребывал в приятных раздумьях, как сможет потратить заработанное.

Вдруг его внимание привлекло какое-то движение среди гостей герцогини. Многие гости дремали, некоторые играли в карты или разговаривали. Но никто не обращал внимания на маленькую непоседу Марию. Ее родители, как определил их Эван, лежали рядком на солнышке, и дочку уложили тоже. Рука ее матери так и осталась согнутой, словно она продолжала обнимать дочь во сне. Если бы Марии пришлось в голову вернуться к родителям на одеяло, ей бы осталось только нырнуть под мамину руку.

Но девочка не могла сидеть на месте. Она погналась по направлению к озеру за бабочкой. Гости продолжали лежать на своих одеялах, разомлевшие от еды, питья и тепла. Девочка бежала по траве, подпрыгивала, выделяла пируэты, падала, желая поймать бабочку. Упав, она вставала и продолжала свой извилистый и витиеватый путь, неуклонно приближаясь к обрыву.

Эван скосил взгляд на отдыхающих. Отсутствия ребенка никто так и не заметил. Никто и головы не повернул, чтобы взглянуть на нее. Девочка продвигалась к озеру. Опасность приближалась.

Эван понял, что если не он, то никто ее не остановит. Он один мог спасти ее. Провидение возложило на него долг спасения. Криком привлечь внимание взрослых к тому, что грозило ребенку, бесполезно. На выяснение, откуда донесся крик, и кто кричал, потребуются минуты, которых уже не было. К тому же едва ли они попытаются вникнуть в то, что он станет им говорить. Его просто не услышат. К тому времени Рия уже погибнет. Если даже она и станет звать на помощь, то ее все равно никто не услышит – все заняты собой.

Эван стремительно спустился с дерева. Его гибкое тело атлета знало свое дело. Он цеплялся за ветки ногами и руками, позволяя себе висеть так, чтобы почувствовать опору. Последние двенадцать футов он преодолел в свободном прыжке. Если бы кто-нибудь заметил его сейчас, он не стал бы задерживаться. Удар о землю заставил его собраться с духом, после чего он, словно спринтер с низкого старта, бросился в погоню за девочкой. Эван уже решил не скрываться в тени деревьев, а бежать через поляну – так ближе.

Он слышал крики у себя за спиной. Истошно вопя, гости герцогини велели ему остановиться и дать объяснения. Кто-то закричал: «Вор!». Эван не мог представить, что побудило их назвать его вором, но, так или иначе, останавливаться нельзя. Белокурая непоседа вот-вот упадет в озеро.

Он бросился к девочке, сгруппировавшись перед полетом, преодолевая пространство в затаенном прыжке, посрамившем законы гравитации. Но и его сверхчеловеческого усилия оказалось недостаточно. Он лишь коснулся на лету пышной копны белокурых волос, но схватить ее за волосы не успел, маленькая Рия покатилась с откоса.

Эван ударился о землю так, что у него дыхание остановилось. Кто-то завизжал, но он не тешил себя иллюзией, что крик выражал переживание за него, Эвана. Он увидел, как головка Рии уходит под воду. Эван чувствовал щекой, как вибрирует под ним земля, и понял, что гости всей толпой неслись к озеру. Даже не вполне сознавая, что делает, Эван бросился вслед за ребенком в воду. Озеро оказалось глубже, чем он ожидал. Он надеялся, что уклон почвы и под водой пойдет под тем же углом, под каким шел над поверхностью озера. Но надеялся он зря. Под поверхностью скрывался обрыв. Эван метался под водой, стараясь увидеть золотистый нимб.

Рию выручила отчаянная работа под водой руками и ногами, в результате которой их руки столкнулись, и он схватил ее за запястья. Оттолкнувшись от илистого дна и подняв муть,

Эван вынырнул на поверхность. Рия вцепилась ему в шею. Эван заморгал и откинул голову, чтобы убрать с глаз прилипшую челку.

Люди уже собрались на берегу, наблюдая за происходящим. Женщины, в том числе и герцогиня, протягивали руки к воде, словно могли таким удивительным способом спасти Рию. Увидев их всех, Эван подумал, что нужно скорее отдать им ребенка, а самому исчезнуть под водой.

Но Рия изо всех сил вцепилась в его волосы. Когда он осторожно попытался разжать ее пальцы, она лишь с упрямством отчаяния потянула на себя его мокрые пряди, словно хотела снять с него скальп. Он слышал, как толпа орет на него, но не мог разобрать ни слова из брошаемых ему обвинений – все перекрывал жалобный плач девочки.

Эван подплыл к берегу, пользуясь лишь ногами, поскольку руками он обнимал сотрясающуюся в рыданиях малышку. Подплыв к берегу на то расстояние, которое позволило бы забрать ребенка у него из рук, Эван никак не ожидал, что его тоже станут вытаскивать. Он испытал нечто вроде шока, когда, после того как рыдающую и визжащую Рию оторвали от него и по цепочке передали матери, его, немилосердно схватив за шиворот, потащили на берег.

Эван сразу понял, что они задумали. Одна пара рук держала его, в то время как кто-то другой ударил что есть силы ему по ушам. Возможно, он и закричал, но не услышал своего голоса, потому что от удара оглох на какое-то время.

Его развернули и поставили лицом к герцогу. Эван остутился от неожиданности, как только его отпустили, и упал на колени. Но он успел подняться на ноги как раз в тот момент, когда ему нанесли первый удар. Знаменитая трость герцога описала в воздухе дугу, прежде чем опуститься на плечо Эвану. Эван упал и покатился по земле. Там его и настиг второй удар. На спине под намокшей рубашкой тут же набух рубец. Эван, словно еж, свернулся калачиком, поджал колени к груди, защищая от ударов лицо. Но спина его и ягодицы оказались открытыми, и им досталось больше всего.

Все продолжали кричать на него, но он не слышал что. Неужели они подумали, что он толкнул малышку в воду? Неужели они не поняли, что он ее спас?

Эван хотел объяснить им, что произошло. Но его никто не слушал. Он не знал, можно ли вообще услышать его голос за свистом то и дело вздымавшейся трости. К тому же говорить он мог, лишь едва не касаясь губами коленей. Гордость боролась с болью, и боль победила. Он встал на четвереньки и попытался уползти, он мечтал лишь скрыться от ударов и найти убежище, где он зализал бы раны.

Эван едва не потерял сознание от удара тростью между лопатками. Он лежал, распротертый, лицом в грязь, на берегу. Боль больше не жалила его, не обжигала. Все тело его стало болью. Боль горячей волной окатила его, наполнила собой, затем она откатилась. Он почувствовал спиной что-то теплое и представил, что чувствует, будто крохотные пальчики уцепились за его волосы и маленькое тельце, странно знакомое, прижалось к нему. Последнее, что он услышал, – крик, пронзивший пелену беспомощности. Он даже не понял, что крик его собственный. Он вздрогнул всем телом и затих.

Эван очнулся в совершенном одиночестве. Он не ожидал, что кто-то заинтересуется его самочувствием, особенно герцог и герцогиня. Их единственное желание – как можно быстрее изгнать из памяти неприятное воспоминание. Эван сомневался, что кто-то вообще заговорит о случившемся, особенно гости, опасавшиеся вызвать неприязнь у хозяев поместья. Уильям, лорд Тенли, мог бы высказаться о произошедшем, но он, скорее всего, подумает дважды, прежде чем вызвать неодобрение у отца. Молодой наследник, по крайней мере, мог бы не опасаться избиения отцовской тростью.

Герцог давал себе волю наказывать тростью лишь своего незаконнорожденного ребенка.

Эван со всей осторожностью снимал с себя рубашку, когда дверь его комнаты открылась. Прошли четыре дня, с тех пор как он вернулся в Хэмбрик-Холл, и целая неделя после избияния. Он не смог скрыть полученных ран от матери, но до сего момента ему удавалось скрывать телесные повреждения от членов Компас-клуба.

Норт, Саут и Ист замерли посреди комнаты, едва не разинув рты. Эван мог бы посмеяться над их недоумением, если бы им не владело желание как можно быстрее прикрыть спину рубашкой. Он мысленно поблагодарил их за то, что они поторопились закрыть дверь.

Надо отдать им должное: никто из друзей не заговорил о том, что увидел, и Эван облегченно вздохнул. Он заправил рубашку в брюки. Раны еще не успели зажить, и рубашка прилипла к ним. Стараясь не замечать боли, он накинул жилет. Брендан Хэмптон, тот самый, которого они прозвали Нортом, взял пиджак и помог Эвану надеть его.

– Спасибо, – поблагодарил Эван, стараясь не встречаться с Нортом глазами.

Гейбриел Уитни, иначе Ист, предложил Эвану пирожное в сахарной глазури, одно из тех, что он получил с утренней почтой.

– Налетай. Я же не могу все съесть один, верно?

Эван достаточно вежливо кивнул и не стал с ним спорить.

Круглое брюшко Иста свидетельствовало о его пристрастиях. Он взял пирожное, и как ни в чем не бывало присел на край кровати, приглашая товарищей последовать его примеру.

Мэгтью Форрестер, юный виконт Саутертон, присел, картинно откинув полу сшитого на заказ фрака и скрестив ноги. Он взял одно из предложенных Истом пирожных и с удовольствием откусил добрую половину. Говорил он с набитым ртом:

– Ты нам все расскажешь, когда захочешь, я полагаю. А если не захочешь, то и не надо. Мы ведь твои товарищи, Уэст.

Эван коротко кивнул. Кивок означал полное согласие. Он не сомневался в том, что друзья его, конечно, догадались, кто разукрасил его спину. От незаслуженного и жестокого герцогского наказания у Эвана осталось в душе щемящее чувство. У него до сих пор чесались руки от желания кого-нибудь отдубасить.

И, словно читая его мысли, Норт потер горбинку на своем носу.

– Хочешь подраться на кулаках? Я к твоим услугам. У тебя такой вид, словно ты мечтаешь кому-то врезать.

Ист ткнул себя кулаком под круглый подбородок.

– Пожалуйста, можешь ударить меня.

Саут указал на свою левую щеку, за которую запихнул большую часть пирожного.

– Давай, продемонстрируй свой коронный свингер. Хороший способ, чтобы подсластить пилюлю. Не хуже пирожного.

Эван молчал. В горле у него стоял ком, и говорить для него стало бы непосильным испытанием. Готовность друзей пострадать, для того чтобы он мог выместить накопившуюся обиду, напомнила ему историю о том, как они вообще стали друзьями.

Они никогда не имели ничего против его положения бастарда.

Эван, наконец, заговорил, с трудом сглатывая вязкую слюну, надеясь, что трудности речи они отнесут за счет съеденного пирожного.

– Я бы предпочел размазать по стенке одного из епископов.

– Отличная мысль, – живо отозвался Саут – он пожалел о том, что сам не сделал такого предложения.

– Отлично, – поддержал Ист, стряхивая с груди крошки.

– Великолепно, – одобрительно заметил Норт, вставая.

Друзья поднялись на ноги, и пошли к двери. Хотя предназначение их клуба они видели в том, чтобы быть «заклятыми врагами «Ордена епископов' », они никогда не лезли с ними

в драку раньше. Компания прибыла на мощный двор Хэмбрик-Холла, не зная, с чего бы им начать, когда один из епископов прошипел:

– Ублюдок.

Дальше все пошло как по маслу.

Глава 1

Ноябрь 1818 года

Она подумала, что могла бы услышать их смех. Ей говорили, что они всегда смеются, при любых обстоятельствах, когда собираются вместе. Но сегодня они уж точно не стали бы смеяться. Смерть – особенное обстоятельство.

– Проходите; мисс, не задерживайтесь.

Она притворилась, что не слышит. Не в первый раз. Может, он решит, что она глухая или слабоумная, и сделает для нее снисхождение. Дело не в том, что она старалась досадить ему – именно ему. Да и с чего бы ему велеть ей не задерживаться, если мешать все равно некому. В такой поздний час улица совершенно пуста.

Наверное, он упивался собственной значимостью. Раздулся как индюк, разделся в роскошную ливрею с золотым позументом – наряд, который мог бы своим великолепием поспорить даже с одеждой королевских слуг. Он стоял как часовой на верхней ступени лестницы, охраняя вход в клуб для джентльменов столь рьяно, словно от его усердия зависела его жизнь. Хотя, по здравому размышлению, может, так оно и есть. Если бы только она могла пробить брешь в его обороне и проникнуть, туда – в мужской храм, окуренный дымом сигар, пропитанный запахом дорогой кожи кресел, то его бы немедленно уволили и ради того, чтобы прокормить семью, ему пришлось взяться за ремесло куда менее престижное и опасное – скажем, карманника.

И тогда вина за его преступления легла бы на ее совесть. Забавно, какой оборот может принять праздное раздумье. У нее почти хватило духу мысленно улыбнуться прихотливому ходу своих мыслей. Но, наверное, думать так мог лишь человек, измотанный донельзя, как сейчас она. Зубы ее вот-вот начнут выбивать дробь – так она промерзла: вечер выдался промозглым. Кутаясь в шерстяной промокший насквозь плащ и надвигая на глаза капюшон, она безуспешно старалась согреться и спрятаться от водяных струй, попадавших на лицо.

Он прав – надо продолжать движение, чтобы не замерзнуть насмерть. И, повинувшись скорее соображениям здравого смысла, нежели указанию швейцара в ливрее, она медленно пошла вперед, не отрывая глаз от окон клуба. Увы, окна располагались слишком высоко от тротуара, и снизу разглядеть, что там происходит, она не могла. Стоя раньше на другой стороне улицы, она разглядела только приглушенно освещенные комнаты, но никого из членов клуба не видела.

– Вам следовало бы немного прибавить шагу, мисс.

Из чувства противоречия она остановилась, не став притворяться, что не слышит, и гордо вздернула подбородок. Она ни о чем его не просила. Молчаливое противостояние продолжалось примерно минуту. В темноте она не могла увидеть его мимику и угадать, что он чувствует. Она решила, что он раздумывает, следует ли ему покинуть свой пост, чтобы заставить ее убраться отсюда самостоятельно, или стоит позвать на помощь. В любом случае ему придется отойти от двери. И вот тогда у нее появится возможность проскользнуть внутрь.

Но она ошиблась. Парень стоял как скала. Она поплотнее укуталась в плащ и отступила.

Дождь хлестал всюду, отбивая дробь, вода с шумом стекала в сточную канаву. Экипаж пронесся мимо, обдав ее ледяными брызгами. Намокший подол плаща задевал тротуар, а в туфлях хлюпала вода.

Она остановилась, со всей ясностью осознав, что идти ей некуда. Развернувшись, она решительным шагом направилась обратно – к подъезду клуба, не останавливаясь у подножия лестницы, а поднявшись по ней до самого верха, придав своему виду гордую осанку назло всем стихиям.

– Эй, мисс, – со смесью раздражения и враждебности обратился к ней швейцар, – вам сюда не положено.

– Что за ерунду вы говорите. Даже самому бестолковому понятно, что я могу и я должна. – Она не позволит ему втянуть себя в спор. – Вы же видите, что заняли единственное место, где можно спрятаться от дождя. С вашей стороны весьма нелюбезно отказать мне в возможности разделить с вами укрытие.

– Нелюбезно? – Он прищурился, словно для того, чтобы получше ее разглядеть. – Да ты, смотрю, наглеешь, красотка. Давай-ка проваливай отсюда, пока я не позвал полицейского. Им, знаю, неохота выползать из тепла в такую ненастную ночь, и они найдут, как тебя отблагодарить, – прямо сразу в магистрат поволокут.

Она повернула голову, поправив капюшон плаща так, чтобы он не смог разглядеть ее лицо и запомнить ее черты.

– Ты готов позвать полицейского лишь потому, что я попросила пустить меня укрыться от дождя? Они и тебя в магистрат могут отвести за то, что ты их побеспокоил по такому пустячному поводу.

Но привратник и не думал сдаваться:

– Ты, скажу я тебе, не первая из своих товарок, кто пытается сюда проникнуть.

– Моих товарок? Надеюсь, ты имел в виду лишь то, что я – женщина. – Она опустила глаза и увидела, что он нервно переступил с ноги на ногу. Похоже, ее слова ввели его в конфуз. Она не позволит ему тешить себя мыслью, что он знает, зачем она сюда явилась. Она не отвергнутая любовница, явившаяся сюда, чтобы потребовать от своего бывшего возмещения за моральный ущерб, и не проститутка, ищущая, где бы подзаработать. – Не будет вреда, если ты позволишь мне побыть тут, пока не утихнет дождь.

Привратник поднял глаза к небу. Грозовые тучи заволокли и луну, и звезды. Низкие, тяжелые облака подсвечивались газовыми фонарями, которых, к счастью, в Лондоне стояло в избытке. Толстые щупальца тумана тянулись с Темзы, наползая на город, проникая во все его улицы и закоулки.

Скоро туман заполнит собой все пространство огромного города. Ему все равно, над каким кварталом он стелется. Туман уравнивает в правах и Уэст-Энд с его великолепными памятниками архитектуры, и грязные доки, и бордели портовых кварталов.

– Дождь не скоро закончится, – заметил привратник, не сдвинувшись ни на дюйм, – а вот туман уже в пути. Лучше бы тебе прямо сразу отправляться домой. Скоро на улицу выйдут разбойники и даже те, кто похуже разбойников.

Она не двигалась с места, хотя могла бы поведать ему, что приехала в Лондон только что и дом ее в двух днях езды отсюда, но промолчала.

– Я подожду, – проговорила она. – Вы не должны беспокоиться, что я могу закатить тут сцену. Просто я... – Она не закончила мысль. – Я подожду, – тихо повторила она.

Привратник глубоко вздохнул. Он слегка подвинулся, давая ей возможность уместиться под козырьком.

– Тебе надо записку передать? Давай ее сюда, я позабочусь, чтобы она попала по назначению.

Она покачала головой. Записка могла лишь испортить дело. Получив ее, тот, ради которого она здесь, мог просто сбежать. Она не надеялась, что он захочет с ней встретиться. Она не знала, как лучше поступить, чтобы заставить его уделить ей немного времени, – раскрыть карты или, наоборот, оставаться инкогнито?

Всю дорогу до Лондона она задавала себе подобные вопросы и, не найдя ответа, решила отправиться сюда, в мужской клуб на Сент-Джеймс-стрит в надежде встретить его здесь. Она не знала, наверное, там ли он сейчас, но дома его нет. Клуб на Сент-Джеймс – одно из вероятных мест его пребывания.

Она не хотела, чтобы их формальное знакомство началось на похоронах.

Эван Марчмен, новоиспеченный герцог Уэстфал, сидел, откинувшись на спинку удобного кожаного кресла и протянув ноги к огню. Руки он сложил перед собой домиком, но не для молитвы, скорее он пребывал в позе расслабленной созерцательности. И он, и трое его друзей представляли собой разительный контраст по отношению к другим членам клуба. Их четверка выглядела довольно мрачно. Они не могли ни шутить, ни болтать о пустяках. В основном они молчали. Пили совсем немного, и никто не посмел их беспокоить, но на них косились. Те, кто знал о смерти отца Эвана, понимали, что глубоко скорбеть о покойном он не мог.

– Знаете ли, мы привлекаем внимание, – наконец произнес Эван.

Ист огляделся. Уэст прав. Он пожал плечами:

– Должно быть, из-за Саута. Он выглядит сегодня довольно растрепанным. Неудивительно, что на нас смотрят.

Виконт Саутертон снизошел до того, чтобы спросить:

– Ты, наверное, намекаешь на ошметки грязи на моих ботинках?

Гейбриел Уитни, маркиз Истлин, мог бы заметить, что грязные ботинки не единственное явное свидетельство странной неряшливости славящегося своей элегантностью Саута, но он решил, что развивать тему не стоит.

– Ты прав. Не говори, что Дарроу тебя оставил.

– Скорее, я его оставил, – заявил о своем слуге Саут. Он откинул голову на спинку кресла. Сквозь полуопущенные ресницы, прикрывающие глаза цвета полированной стали, он разглядывал носы своих нечищенных ботинок. Он проделал долгий путь верхом сюда, в центр Лондона, бог весть откуда. – Можешь не волноваться, – добавил Саут на тот случай, если Ист захочет переманить к себе Дарроу. – Тебе он не достанется.

– Жаль, – задумчиво проговорил Истлин, потягивая вино. Через должный промежуток времени внимание его переключилось на Нортхема. – Ты что-то сегодня весь ушел в себя, – проговорил он. – Ведь не из-за отца же Уэста.

Брендан Дэвид Хэмптон, уже много лет как шестой граф Нортхем, машинально откинул со лба прядь светлых, словно выгоревших на солнце волос.

– Не из-за него, верно, – несколько виновато улыбнулся он Уэсту.

Уэст лишь рукой махнул. Он не мог винить Норта, что тот не питал симпатии к покойному герцогу, если сам не испытывал никакой сыновней любви. Уэст склонил голову набок, прищурился, зеленые глаза. Его забавляли попытки Иста расшевелить Нортхема, заставив его выйти из состояния меланхолии.

– Тогда дело в Элизабет, – предположил Истлин и тут же поднял руку. – Нет, можешь не отвечать, дело не мое.

Уэст не упустил непроизвольного жеста Нортхема, расправившего плечи, словно с них свалился груз. Он знал, что друзья в курсе того, что с его браком не все обстоит благополучно, и не видел в подобном факте ничего особенно плохого, но он не хотел говорить о нем. Уэст уважал его за такую позицию. Сегодня все собрались, чтобы поддержать Уэста, и Норт тоже знал, что точно так же они придут на помощь ему, стоит лишь позвать.

Норт чуть наклонил к Сауту голову и перехватил его взгляд.

– Где ты находился, когда услышал новость? – спросил он.

Любопытно, как ответит Саут. Уэст знал, что Саутертон уезжал из Лондона, поскольку сам содействовал отъезду друга в тот конец страны. Уэст подозревал, что путешествие далось Саутертону нелегко. Он не принимал присутствие Саута здесь как должное, но признавал, что дружеские связи кое к чему обязывают. Узы дружбы, выкованные еще в Хэмбрик-Холле, крепки.

Уэст сомневался в том, что Саутертону вообще могло прийти в голову раздумывать, стоит ли возвращаться в Лондон или все же продолжать путь к намеченной цели. Они поклялись

дружить навеки. Кто-то чужой мог бы и не увидеть в поджатых губах Саута следы глубокой усталости, но они-то знали, чего ему стоило приехать сюда.

Лицо Саутертона осветила улыбка, и напряжение куда-то улетучилось.

– Я был на полпути туда. Нет, чуть больше чем на полпути.

Нортхем одобрительно усмехнулся:

– Даже так?

– В самом деле. – Саут рывком выпрямился в кресле. – Я подозреваю, что возвращение займет несколько больше времени.

Истлин тихо засмеялся – впервые с тех пор, как они сегодня собрались.

– Особенно если в твои намерения входит прийти к какому-то концу. Ты ведь не можешь остановиться на полпути, снова на полпути, желая добраться туда, Саутертон. Или они научили тебя чему-то иному на борту кораблей его величества? Если так, то я хотел бы знать. – Он поднял свой бокал с торжественным видом. – Как долго ты собираешься пробыть в Лондоне?

– Еще один день, – ответил Саутертон. – Два – самое большее.

Ист кивнул. Он понизил голос, чтобы посторонние не смогли его услышать:

– Ты ведь позовешь нас, когда будет нужда?

– Если будет нужно, – с той же серьезностью ответил Саут. – Я бы не хотел, чтобы кто-нибудь из вас оказался скомпрометирован.

Уэст приподнял бровь, выгнувшуюся в абсолютно правильную дугу.

– Как уж получится.

Всем и так стало понятно, что Саутертон занят выслеживанием шпиона. Такого рода работу обычно поручали Уэсту, и сейчас он искренне благодарен Сауту за то, что он взял его труд на себя. Тот факт, что Саут взялся за такую работу, уже кое-что мог сказать о природе ловушки. Для того чтобы сработать чисто, требовались особенные таланты Саута. Уэст помнил достаточно много ситуаций в Хэмбрик-Холле, когда серое вещество Саутертона помогало им избежать прямого столкновения с их заклятыми врагами епископами, хотя, откровенно говоря, Уэст предпочел бы просто подраться. Саут же любил разрешать конфликты в основном путем переговоров.

Уэст усмехнулся, ибо следующий вопрос Истлина подтвердил, что и он подумал о том же самом.

– Зато не придется перечитывать всю историю Британии, начиная с короля Генриха VIII, не так ли? – осведомился Ист. – Если, конечно, тебе необходимо выбраться из какого-то особенно замысловатого узла. Лично я не думаю, что смог бы за все взяться снова.

Норт кивнул:

– Здесь я на стороне Иста. На сей раз, Саут, таких подвигов от нас не жди.

Уэст почувствовал потребность тоже что-то сказать.

– Какая разница? Прошло двадцать лет с тех пор, ну и что? Моя задница до сих пор помнит о том, что случилось. – Его слова вызвали явное недоумение у троих оставшихся. – Вы что? – недоуменно спросил Уэст. – Разве герцог не может говорить о задницах?

– Герцог может говорить обо всем, о чем пожелает, – заметил Саут. – Особенно тот, кто столь недавно приобрел титул, земли и состояние.

– Ты хочешь сказать, что некое снисхождение допускается по отношению к бастарду, который внезапно обрел право считать себя законным сыном, – уточнил Уэст.

Саутертон продолжал таким тоном, словно его и не перебивали:

– Но если ты не хочешь, чтобы другие цеплялись за каждое твое слово и твои же слова возвращались к тебе бумерангом, лучше делать дело без лишних слов.

– Черт бы побрал вашу казуистику! – сквозь зубы процедил Уэст. – Черт бы побрал!

Друзья усмехнулись – Уэст, безусловно, принял к сведению замечание Саута. Не в силах удержаться, вскоре все члены Компас-клуба расхохотались. Всегда, если не хватало слов, на помощь приходил смех.

Дождь утих и перешел в морось. Мистер Данлоп – она наконец узнала его имя – продолжал настаивать на ее уходе со ступеней, до того как члены клуба начнут расходиться. Она не видела смысла в дальнейших расспросах, как не видела смысла в том, чтобы спорить с ним. Она считала, что ей уже повезло, ведь он согласился разделить с ней ступени под козырьком и даже развлек ее немного, снизойдя со своих высот, для того чтобы сообщить ей то, что она хотела узнать. И впервые по приезде в Лондон она позволила себе надеяться на благополучный исход.

Стоя на углу, у кованых ворот решетки, огораживающей чей-то особняк, она наблюдала, как джентльмены один за другим спускались по лестнице. Каждый из выходящих останавливался на верхней ступени, поправляя котелки из стриженного бобра, чтобы дождь не попал на лицо. Руки господ сплошь обтягивали лайковые перчатки, а плечи – плащи с капюшонами. Некоторые носили трость. Теперь дождь почти утих, и джентльмены уже не говорили о нем, однако время от времени нелестные замечания по поводу погоды все же отпускались. Она не понимала, к чему роптать на погоду тем, у кого всегда под рукой карета. Извозчики, зная примерное время, когда богатые господа покидают клуб, заранее подгоняли к нему экипажи. Она наблюдала, как мистер Данлоп, то и дело выскакивая под моросящий дождик, подзывает извозчика. И тут же карета подъезжала.

Она почти пала духом – час прошел, как господа начали расходиться, а его она все не видела. Хотя во всем можно найти приятную сторону – не может быть, чтобы в клубе оставалось еще много людей. Человек шестьдесят уже покинули помещение, и едва ли оно могло вместить столько же.

– Ваша светлость, вам вызвать экипаж? – с поклоном обратился Данлоп к очередному господину.

Когда же, наконец, он сможет нормально реагировать на то, что к нему обращаются таким образом? Уэст посетил клуб всего два дня назад, и к нему обращались вежливо, но без неприятной подобострастности. У Уэста прямо руки зачесались. Врезать бы ему как следует.

– Спасибо, я бы предпочел пройтись пешком, – ответил он. – Вы не думаете, что вечерние прогулки весьма полезны? – Уэст прекрасно видел, что привратник считает безумцем того, кто отказывается от экипажа в дождливый и холодный вечер, когда вполне в состоянии позволить себе такой комфорт. – Так как, Данлоп? – с сарказмом переспросил Уэст.

– Что я думаю, ваша светлость? Простите, я не понимаю, что вы имеете в виду.

Данлоп, по-видимому, действительно не понимал, о чем говорит Уэстфал.

– Два дня назад ты держался со мной иначе – независимее.

– Я вас оскорбил? Уверю вас, я не хотел.

Видя, что Данлопу все больше не по себе, Уэст оставил тему. Не мог же Данлоп сказать ему, что два дня назад Уэст относился к господам уважаемым, но оставался бастардом без всякой перспективы на изменение положения.

– Мои друзья, наверное, взяли кареты.

– Да, – подтвердил Данлоп. – Они уехали примерно полчаса назад.

Уэст прекрасно знал, когда уехали остальные. Он сам убедил их в том, что за него волноваться не стоит и пора им разъезжаться по домам, где их ждут. Уэст потягивал бренди, раздумывая, что с ним станет после предсмертного заявления отца. Герцог объяснил свое решение собравшимся у его постели. Обо всем Уэст узнал от поверенного, который объяснил, что последнее завещание отец написал задолго до того, как настал его смертный час.

Естественно, Уэст справился у поверенного, находился ли герцог в здравом уме, когда писал завещание. Мистер Риджуэй, не понимая того, что Уэст совсем не жаждет получить

титул, земли, состояние, стал убежденно заверять Уэста в том, что сознание его родителя оставалось ясным, как никогда, вплоть до того дня, как он позвал Мег. Во внезапном помутнении рассудка поверенный убедился, когда герцог решил, что она пришла к нему и присела на край постели.

Отношение Уэста к отцу ничуть не смягчилось из-за того, что он при смерти позвал к себе Мег. Он помнил, как часто его мать вот так же звала герцога, и как редко он откликнулся на ее зов. Если она и парила над его постелью, то только потому, что намеревалась показать ему, в какой стороне ад. Уж наверное, она не стала бы провожать его в райский уголок, где покоилась сама. Даже Всемогущий не может быть настолько всепрощающим, чтобы обеспечить герцогу Уэстфалу место в раю.

Уэст хлопнул по тулье бобровой шляпы, натянув ее поглубже, чуть заломил ее набок и пошел вниз легкой походкой. Его поступь почти не слышалась за дробью дождя. Он повернул направо, в сторону дома. Ступив на проезжую часть, он на мгновение, почти незаметно со стороны, остановился. Из-за густого тумана он не мог бы разглядеть приближающийся экипаж. Склонив голову набок, он прислушался. В его направлении ехали тяжелая карета, запряженная парой, и легкая коляска. Ни тот, ни другой экипаж не ехал быстро, и он решил пересечь улицу без промедления, не думая о том, что тот, кто шел за ним, мог бы попасть под копыта или колеса.

Уэст перешел улицу, резко свернул направо и быстрым шагом пошел вдоль дома. Он нырнул в просвет между двумя строениями и стал ждать.

Шаги, которые он слышал у себя за спиной, стихли. Зажав в руке оружие, Уэст приготовился к встрече с разбойником.

– Ваша светлость?

Если бы не удивление, которое он испытал, услышав приятный женский голос, он бы мог подумать, что ему приснился его новый титул. Хотя факт его преследования от самого клуба женщиной не умалял опасности. Он знал по опыту, что женщины, зарабатывающие себе на жизнь на улице, не менее вероломны, чем их коллеги мужчины. Он не мог сбросить со счетов вероятность того, что где-то поблизости ошивается ее сутенер, готовый избавить его от лишних денег в том случае, если дама не справится сама.

– Прошу вас, ваша светлость! Я не вижу собственных пальцев на расстоянии вытянутой руки! Вы здесь? Да. – Она заморгала, отпрянув. К носу ее приставили лезвие. – Да, теперь я вижу.

– Вот и хорошо. Будьте добры, вытащите ваше оружие.

– У меня нет оружия.

Он ей не поверил. Молниеносным движением Уэст перехватил ее кисть и вывернул так, что она оказалась прижатой к нему. Таким манером он затащил ее в переулок и притиснул к мокрой от дождя стене. Она едва успела повернуть голову, чтобы не разбить нос и не оцарапать щеку о кирпичную стену. Она не кричала, не звала на помощь, лишь раз вскрикнула. Ее поведение для Уэста оказалось неожиданностью, поскольку опытные воровки редко молчат, бывая пойманными. Наоборот, они как можно громче возмущаются, уверяя возможных свидетелей в своей невиновности.

– Чего ты хочешь? – спросил он.

Несмотря на то, что ответ ее прозвучал еле слышно, в нем отчетливо проступали командные нотки.

– Я хочу, чтобы вы убрали от меня руки.

– Но ваше желание не совпадает с моими намерениями. – Он продолжал обыскивать ее не останавливаясь. Откинув плащ, он ошупал ее. Ничего лишнего. Он лишь искал припрятанный на теле кинжал или пистолет, затем руки прошлись по талии, по линии бедер, тщательно обыскали нижнюю часть тела, на всякий случай приставив острие своего ножа к ее пояснице.

Закончив обыск, он медленно отступил и положил свое оружие в мягкий кожаный чехол, спрятанный в голенище сапога.

– Вы можете повернуться, – спокойно и вежливо произнес он. – И еще вы можете рассказать, зачем преследовали меня.

Она ответила не сразу, и Уэст решил не давить на нее. Он давал ей возможность собраться с духом, используя время, чтобы изучить ее профиль. Увы, из-за тяжелого шерстяного капюшона, который скрывал прическу и ниспадал на лоб, он ничего не видел. Уэст протянул руку, чтобы откинуть капюшон. Она изо всех сил ударила его ладонью по руке. Ее мгновенная реакция поразила его, однако она не могла бы помешать ему, если бы он захотел. Чтобы его остановить, ей потребовалось бы гораздо больше сил.

– Вы не смеете меня касаться. – Она старалась говорить с достоинством и все же обмирала от страха: она ведь его ударила. – Больше не посмеете. – Сделав паузу, она добавила: – Пожалуйста.

До него слишком медленно дошло, что он допустил роковую ошибку в суждениях. Перед ним стояла не воровка. Судя по тому, что она вытерпела обыск, молча страдая, она и не проститутка, которая непременно бы комментировала каждое его движение. Уэст не хотел утомлять себя рассмотрением иных вариантов. Он не вел себя так по-хамски, когда был просто Эваном Марчменом. Но с приобретением титула он, очевидно, перестал понимать, что является правильным, а что нет.

Он стал похож на своего отца.

Черный зев ада будет как раз по нему, если он продолжит вести себя в том же духе.

– Пойдемте, – промолвил он наконец. – Я найму для вас экипаж. Мне кажется, здесь для вас не вполне подходящее место. – Он успел поймать ее взгляд – усталый, умоляющий, когда она тихо попросила его больше ее не трогать.

Он видел ее лишь в профиль, и то сквозь пелену тумана, но и то, что он видел, ему понравилось. Высокие скулы, прямой маленький нос, выгнутые изящной дугой брови, густые и темные ресницы, отбрасывающие тень на ее щеки. Он не видел цвета ее глаз, потому что она держала ресницы полуопущенными.

Уэст предложил ей руку и усмехнулся, когда она не приняла его предложения. Впрочем, ее отказ его не удивил. Они вместе вышли из переулка – он впереди, она на полшага позади него – и остановились под уличным фонарем.

– Я бы хотел, – произнес он, – чтобы вы объяснили, какое у вас ко мне дело. Как я понял, у вас нет привычки выслеживать людей. – Он умолк на мгновение и, выгнув бровь в сардонической усмешке, уточнил: – Или все же есть?

Она покачала головой.

Такое впечатление, что она утратила способность говорить, но, услышав, как стучат у нее зубы, Уэст понял, что она не может говорить, потому что продрогла от сырости и холода. Он приложил пальцы к губам и звонко свистнул.

На призыв откликнулись немедленно. Откуда-то из тумана появился экипаж. Уэст свистнул во второй раз, чтобы возница понял, в какую сторону ехать.

– Как видите, помощь подоспела быстро. Сообщите мне, куда вас отвезти.

– Джерико-Мьюз, двадцать четыре, – стуча зубами, произнесла она:

Уэст подумал, что ослышался. Он наклонил голову, но она отвернулась. Хорошо бы, чтобы она все же сняла промокший насквозь капюшон, который делал ее похожей на старуху с косой, то бишь смерть.

– Простите; мне показалось или вы сказали...

– Джерико-Мьюз, двадцать четыре, – повторила она.

– Да, значит, я не ослышался. Выходит, у меня со слухом все в порядке.

Она резко вскинула голову, словно его реплика сильно удивила ее, но ничего не ответила.

– Наверное, мне следует заметить, что на Джерико-Мьюз, двадцать четыре находится мой собственный дом.

Она кивнула.

– И, следовательно, там живу я, – терпеливо пояснил он.

– Да, я знаю, – кивнула она, чуть-чуть улыбнувшись.

– Понятно. Но ведь вы там не живете? – Уэст решил, что имеет дело с сумасшедшей, хотя если она знала его домашний адрес, то дело в другом. Завтра он сможет позабавить приятелей описанием нечаянной встречи. Видит Бог, им не помешает немного повеселиться. Сегодня в клубе уж очень мрачно они выглядели. – Так вы хотите, чтобы я отвез вас к себе домой?

– Мне больше некуда идти, – ответила она.

Уэст принял ее признание без воодушевления.

– Может, вы скажете, откуда приехали?

Она не ответила. Экипаж уже давно подъехал и ждал их.

Уэст колебался с принятием решения, быстро прикидывая шансы. Он мог бы оставить ее там, где она находилась, а сам бы отправился домой пешком, и еще он мог бы сам сесть в экипаж, а ей предоставить добираться пешком. Он мог бы усадить ее в экипаж и послать на все четыре стороны, но тогда чего еще от нее ожидать? Он почему-то понял, что исход один: если она знает, где он живет, то все равно явится к нему. Оставить ее добираться до места самостоятельно – крайне грубый поступок.

Уэст решился. Он открыл перед ней дверь экипажа и жестом пригласил войти. Сказав извозчику, куда ехать, он забрался в карету сам. В темноте кареты он опять не мог ее разглядеть, хотя она и сидела напротив.

– Так что вы хотели мне сказать важного?

– Меня зовут мисс Эшби, – стуча зубами, представилась она.

– О, какая напасть, – усмехнулся он, снимая пальто. – Какое неудачное имя. Сколько слогов, язык свернешь. Вы немка?

Она опять резко вскинула голову, на сей раз чуть не задев макушкой его нос, ибо он приблизил лицо почти вплотную к ней.

– Да вы просто сумасшедший, – вдруг сообразила она. – Никто мне о вас такого не говорил.

Он улыбнулся, осветив салон своей белозубой улыбкой.

– Потому что вы не так спрашивали. Прискорбное состояние моих мозгов общеизвестно. А теперь, мисс Эшби, снимите ваш плащ и накиньте вот это. Вам станет намного теплее.

Уэсту импонировало, что она, не ломаясь, сразу приняла его предложение, хотя понимал причину ее уступчивости, которая заключалась в том, что она очень замерзла. Он пристально наблюдал, как она наконец сняла капюшон и скинула с плеч мокрый плащ, обратив внимание на густую копну очень светлых волос и стройную линию шеи. Когда он обыскивал ее, он почувствовал, что ее бомбазиновое платье тоже насквозь промокло. Но он сомневался, что сможет уговорить ее снять и платье тоже.

Укутав ее в свой плащ, Уэст посоветовал:

– Подожмите под себя ноги, если, конечно, вы не желаете вытянуть ноги ко мне на скамью, чтобы я растер вам пальцы. – Он засмеялся коротким смешком, когда она тут же поджала ноги под себя. – Похоже, – протянул он, окинув ее взглядом, – я нашел брешь в вашей броне.

Она ничего не ответила, будучи не вполне уверена в том, что он ее дразнит.

– Итак, мисс Эшби. – Уэст снял шляпу и положил ее рядом с собой на сиденье. Он вытянул ноги и скрестил руки на груди, всем своим видом демонстрируя равную степень небрежения и любопытства. – Итак, вы сейчас скажете мне, откуда прибыли. Мы очень скоро подьем к моему дому, и, уверяю вас, за очень небольшое вознаграждение я могу убедить извозчика ездить кругами вокруг него хоть до утра.

– Гиллхоллоу, – с запинкой ответила она. – Вам названное мною место знакомо? Еще как. Хотел бы он вообще никогда не знать его. Он почувствовал неприятное покалывание на затылке.

– Оно возле Норфолк-Броудс.

– Да.

– И еще рядом Амбермед.

Она опять лишь кивнула.

– Понятно, – мрачно протянул он. Неудивительно, что она обратилась к нему «ваша светлость». Недавно она вернулась оттуда, где о смерти старого герцога, наверное, говорили все, гадая, какие грядут перемены. Она доехала до Лондона, надо сказать, очень быстро. Хоронить отца собираются только завтра. Будучи при жизни видным государственным сановником, герцог удостоился чести покоиться в Вестминстерском аббатстве. Уэст уже решил, что будет присутствовать на церемонии, какой бы мучительной она ему ни казалась.

– Вы любовница герцога?

Мисс Эшби удивленно заморгала.

Уэст несколько расслабился. Девушка к тому же скромница.

– Вы ведь уже совершеннолетняя?

– Мне двадцать четыре.

– Тогда вы для герцога уже староваты.

– Вы несправедливы, – запинаясь, проговорила она. – Несправедливы к нам обоим.

Уэст пробурчал что-то себе под нос. Он мог бы задать ей еще вопросы, но даже в том настроении, в котором он пребывал сейчас, он понимал, что задавать их нечестно. Ей на самом деле сейчас очень плохо. Заставлять ее говорить – значит, издеваться над еще не согревшейся девушкой, клацающей зубами: Самое меньшее, что он мог для нее сделать, – согреть, а уже потом продолжить допрос. Тогда она, возможно, одним махом выложит всю свою скорбную повесть, и ему не придется задавать лишние вопросы.

Экипаж замедлил ход, и Уэст выглянул в окно. У подъезда его дома висел фонарь, но ни в одном из окон свет не горел. Слуги спали – все, включая дворецкого, видимо, решили, что он сегодня не вернется, хотя обычно Флинч выходил его встречать в любое время суток.

Сложенный из красного кирпича с отделкой из белого, дом Уэста размерами не выделялся. Его друзья имели дома попредставительнее, но до недавнего времени он и не располагал такими средствами, как они. Свои деньги Уэст зарабатывал сам, умело вкладывая капитал и ведя коммерцию, и, несмотря на то, что его средства намного уступали средствам Нортхема, Саутертонна и Истлина, на свои деньги он мог жить вполне комфортно, а за большим он и не гнался. Теперь, наверное, от него будут ждать каких-то действий: покупки нового дома, побольше, организации званых балов и всего прочего, что полагается делать в высшем свете человеку с его титулом и состоянием. Свет с нетерпением ждет, как он станет их развлекать. Начнутся визиты, гости, среди них те, кто любит засиживаться. И предстоящая жизнь Уэста угнетала.

– Разве мы еще не приехали?

Уэст очнулся, забыв о том, что он не один. Взглянув на девушку, он смерил ее взглядом, гадая, какую беду может навлечь на себя, пригласив ее в дом. Впрочем, какими бы неприятностями ни грозил ему этот визит, он все равно не мог оставить ее на улице.

– Приехали, – подтвердил он. – Уже приехали.

Он открыл дверь и вышел из кареты, протянув руку даме.

Ей понадобилось некоторое время, чтобы выпростать ноги из-под его пальто. Он терпеливо ждал. Она приняла его помощь и слабо запротестовала лишь тогда, когда он взял ее за талию, чтобы приподнять и поставить на землю.

Уэст достал из салона шляпу и кашне, расплатился с извозчиком и отослал его. Только на полпути к дому он вдруг заметил, что мисс Эшби не идет следом. Решив, что она стоит, одинокая и заброшенная, он очень удивился, обнаружив, что она, согнувшись, ищет что-то среди живой изгороди.

– У меня в доме есть камин, даже несколько, поэтому ни к чему вам рыть нору прямо здесь.

Мисс Эшби ничего не сказала. Она еще несколько секунд сохраняла прежнюю позицию, после чего выпрямилась, прижимая к груди большой саквояж.

– А, – догадался Уэст, – вы его здесь спрятали, надеясь вернуться.

– Вы очень сообразительны.

Сарказм ее не остался незамеченным.

– А вы очень холодны. – Уэст усмехнулся, когда она поджала губы. Повернувшись к ней спиной, он зашагал по тропинке к дому.

Зайдя внутрь, он бросил свою шляпу и ее плащ на стол, стоявший справа от двери, и зажег свечи, еще до того как мисс Эшби переступила порог. Взяв у нее из рук саквояж, он поставил его возле стола на пол. Саквояж не настолько тяжел, каким казался, когда она вытащила его из-под кустов, и он подумал, что у нее либо совсем мало вещей, либо она не собирается оставаться в Лондоне надолго.

– Сюда. – Он заметил, что она начала расстегивать его пальто, и качнул головой: – Подождите. Сначала вы должны согреться у камина в моем кабинете.

Он прошел вперед по коридору и распахнул перед ней дверь последней из комнат. Хорошая тяга – лишь в камине его кабинета и еще в спальне. Огонь для Уэста развели много часов назад, так что сейчас уголь почти догорел, но для того, чтобы поддать жару, достаточно добавить щепок и одно хорошее полено. Уэст так и сделал. Справившись с задачей, он жестом пригласил мисс Эшби подойти к огню и снял с ее плеч свое пальто.

Под его тяжестью она горбилась, но и оставшись без него, продолжала ежиться. Уэст поразился, насколько она хрупкая. Лишь на несколько дюймов ниже его, она имела достаточно высокий рост для женщины, но казалась тонкой, как тростинка, хотя ее грудь поражала пышностью. Уэст почувствовал это раньше, во время обыска. К тому же ноги у нее не тощие и бедра округлые.

Волосы ее высохли быстро. В конечном счете, ей пришлось распутывать их пряди. Они отсвечивали красноватым и золотистыми оттенками на фоне огненных языков пламени камина. Словно солнечный свет! Уэст не помнил, чтобы видел такой каскад светлых шелковистых волос у женщины.

А ей уже двадцать четыре, так она ему сказала. Стоя перед камином, дергая за влажные пряди неловкими от сознания того, что на нее смотрят, руками, она казалась подростком – девушкой не старше шестнадцати.

– Возможно, вы любовница лорда Тенли, – внезапно предположил Уэст.

Она замерла, пальцы ее сжимали пряди.

– Нет, – твердо, но очень тихо ответила она. – Я не являюсь любовницей вашего брата.

– Сводного брата.

– Да, конечно, вашего сводного брата. Я не являюсь его сводной любовницей.

Уэст усмехнулся одной половиной рта. На щеке у него появилась ямочка.

– Я вас, кажется, задел за живое.

– Да.

Зубы у нее стучать перестали, и она больше не заикалась.

– Хорошо. Вам налить бренди? – Он подошел к буфету и достал графин. – Или вы предпочитаете херес?

– Я предпочитаю бренди.

– Пусть будет бренди. – Он налил понемногу в два хрустальных бокала и один из них протянул ей. Она взяла бокал ладонями, согревая содержимое, и пригубила напиток.

– Лучше?

Она кивнула.

– Вам надо повернуться кругом.

Она непонимающе посмотрела на него.

– Чтобы высушить платье сзади.

– Ах да.

Она покраснела, и Уэст, глядя на нее, подумал, что трудно поверить, как она смогла добраться до Лондона целой и невредимой. Свой обыск он в расчет не принимал. Пока она стояла спиной к огню, он зажег свет. Несколько ламп. Он видел, что она следит за ним, хотя всякий раз, как он поворачивался к ней лицом, она быстро отводила взгляд.

Может, она ожидала увидеть его столь же представительным, как его отец? До последнего времени, когда рак выжал из него остатки сил, отец выглядел отменным здоровяком и любил жизнь сильнее многих. Высокий ростом и широкий в плечах, герцог держался прямо, с военной выправкой, и внешность его, хоть и отличалась суровостью, нравилась женщинам. Возраст его не изуродовал. Морщины в углах глаз и губ придавали его лицу лишь больше своеобразия, четче выявляя его образ.

Уэст старался видаться с отцом как можно реже. И такая тактика полностью совпадала с его желанием. Никто из них не предпринимал попыток, чтобы изменить существующее положение вещей. Но тень отца продолжала нависать над Уэстом и после его смерти. Учитывая характер государственной деятельности отца, Уэст просто не мог не знать о том, чем он занимается, и делать вид, что его не существует. Отец Уэста мог бы запросто стать премьер-министром, если бы не ловкие козни Ливерпула, заигрывавшего с оппозицией во время войны с Наполеоном. Поражение в парламенте терзало отца, и, как подозревал Уэст, герцог планировал новую стратегию завоевания государственных высот, когда на него вдруг навалился рак и подкосил его. Англия скорбела о потере. Уэст нет.

Он сел в кресло-качалку, изношенное ровно настолько, чтобы чувствовать себя в нем максимально комфортно. Кресло стояло недалеко от мисс Эшби. Подвинув ногой трехногий табурет, Уэст вальяжно протянул на него ноги.

– Присаживайтесь, – предложил он госте.

– Я постою, если вы не возражаете. – Она окинула взглядом ряды полок с книгами, тянувшиеся вдоль каждой из стен кабинета.

– Я возражаю. Я хочу сидеть, а с моей стороны невежливо сидеть, если дама стоит.

– Мое платье все еще влажное. Я испорчу...

– Садитесь.

Она опустила на обитую восточной тканью скамью на краю обюссонского ковра. Шелковая кроваво-красная обивка составила яркий контраст с ее черным траурным платьем. Она взяла бокал за ножку и опустила руки на колени. Спину она держала очень прямо.

Наконец он смог разглядеть цвет ее глаз – серо-голубой, и глаза ее словно принадлежали женщине куда старше той, что была перед ним. Ее глаза уже нельзя назвать глазами шестнадцатилетней девушки. И даже двадцатичетырехлетней! В них виделись мудрость и усталость. Отчасти объяснением могло служить долгое путешествие в Лондон или грубость, и даже жестокость, которую он в начале их встречи проявил к ней. Но лишь отчасти. Он спросил себя, что такого могли видеть ее глаза, так сильно ее состарившие.

– По кому траур? – спросил он, имея в виду ее платье.

Его вопрос ее удивил.

– Конечно, по герцогу.

Уэст невесело усмехнулся:

– Никаких «конечно» здесь быть не может. Может, он и ваш отец тоже? Может, вы одна из многочисленного племени его незаконнорожденных детей? Скажите мне, могу я вас обнять как свою сестру?

Она говорила тихо, хорошо модулированным голосом, очень правильно и красиво, без всяких усилий.

– Значит, вы действительно хотите казаться чудовищем. Мне говорили, что такое возможно.

– Стараюсь никого не разочаровывать.

– Я не сказала, что я ожидала грубости с вашей стороны, мне просто говорили, что вы можете грубо вести себя.

Уэст сделал глоток бренди.

– У вас сложилось обо мне мнение, идущее в противоречие с тем, что вы обо мне слышали? – спросил он. – Как такое возможно, если мы едва знакомы?

– Мы встречались раньше.

– Нет, вы ошибаетесь. У меня счастливый талант запоминать лица и имена. Я бы знал вас; если бы нас представляли друг другу.

– Я не говорила, что нас друг другу представляли. Я сказала лишь, что мы встречались.

Он изучал ее лицо в течение нескольких долгих секунд. К чести ее будет сказано, она не отвела взгляд. Уэст заподозрил, что она отворачивалась раньше от него из боязни быть узнанной. Теперь, когда она оказалась у него в доме, она перестала опасаться, хотя он мог в любой момент выставить ее за дверь.

Он недобро усмехнулся и поставил бокал с бренди на стол. Но ведь он не оставил ее на улице, не так ли? Словно мокрого котенка, он завернул ее в сухое и притащил домой. Неохотно он признался себе в том, что ее опасения действительно теперь не имеют под собой почвы.

– Значит, вы не моя сестра, – сделал он вывод.

– Даже не сводная сестра.

– Как трогательно. Мы встречались в городе?

– Нет.

– Во время сезона?

– Нет. – Она слабо улыбнулась. Допрос по своей форме напоминал салонную игру. По правилам игры он мог еще задать не более семнадцати вопросов.

– Вы знакомы с Саутертоном?

– Нет.

– С Истлином?

– Нет.

– С Нортхемом? – До того как она успела сказать «нет» и приобрести еще одно очко в свою пользу, он задал другой вопрос: – Может, вы знакомы с его женой, бывшей леди Элизабет Пенроуз?

– Нет. – В любом случае она вытянула из него еще два вопроса.

Уэст молчал, раздумывая, как поступить дальше. Ему не хотелось раскручивать клубок, если нитью, связующей их с мисс Эшби, оставался лишь его отец. Едва ли он мог бы относиться к ней по-доброму, если у них с его отцом существовала какая-то романтическая или родственная связь. Ее имя ни о чем ему не говорило, но, надо сказать, он провел не так много времени со своим поверенным, с того момента как узнал о смерти отца. На самом деле он вышел от мистера Риджуэя, хлопнув дверью, заявив прямо, что его больше устраивает положение бастарда, чем наследника титула. Уэст знал, что очень скоро ему предстоит познакомиться с сонмом родственников, которые до сего момента им не интересовались.

Для них он всегда был побочным сыном герцога, словно он не имел собственного честного имени. Он считался для них досадным недоразумением, ребенком, «рожденным не на той

стороне одеяла». В детстве он воспринял подобную информацию буквально, предполагая, что его мать лежала на полинявшей от солнца стороне одеяла, когда рожала его. Он не мог понять, почему из-за такой мелочи отношение к нему сильно отличалось от отношения к законным детям. Наконец он решил задать вопрос об этом матери. Мать его ударила. Потом она, конечно, плакала и ужасалась своему поступку. Она никогда не спрашивала, простил ли он ее за него, но и он никогда не забывал драматического эпизода. Есть вещи, которые не так легко забыть.

Уэст убрал ноги с табурета и откинулся на спинку кресла. Упираясь локтями в колени, он подпирал ладонями подбородок. Едва заметная вертикальная черта перерезала его лоб, и глаза прищурились. Прядь медно-рыжих волос упала на его лоб, но он слишком пристально смотрел на льняную копну ее волос.

Он уже видел такие волосы.

– Вы – Рия, – догадался он. И он выиграл.

Глава 2

– Никто уже очень давно не называл меня Рией, – проговорила она. – Я даже не думала, что вы знаете меня по этому имени, и мне придется давать долгие объяснения. Тогда вы помните и обстоятельства нашей встречи тоже.

У Уэста до сих пор остались шрамы на спине, не дававшие памяти поблекнуть. Он не стал ей о них говорить.

– Я все достаточно хорошо помню. – Он говорил ровно, понять по его голосу, что он чувствует, практически невозможно. Взяв со стола бокал с бренди, он встал. – Еще хотите? – спросил он, указав глазами на ее бокал.

– Нет.

Он коротко кивнул и направился к буфету, чтобы налить себе еще. Он готов рискнуть – пусть завтра утром у него будет болеть голова, но зато сегодня придет приятное забвение, Он не торопился снова усесться в кресло. Стоя возле буфета, он думал, как поступить дальше.

– Вы сильно изменились, – выговорил он, наконец, понимая, что сказал ерунду. Конечно, она изменилась. Прошло двадцать лет.

– Как и вы.

Он пожал плечами.

– Как вы меня нашли?

– Мистер Риджуэй дал мне ваш адрес.

– У моего поверенного, как и у всех людей его профессии, язык без костей.

– Я очень настойчиво просила.

Уэст не удивился ее заявлению, хотя для него оставалось тайной, как ей все-таки удалось. Она по-настоящему красивая женщина – волосы цвета солнечного света и абсолютная правильность черт... Серо-голубые глаза, возможно, слишком серьезны, но зато цвет их восхитителен, как и густые, черные и длинные ресницы, обрамлявшие их. Она ни разу не вспорхнула ими, она вообще с ним не кокетничала, но, возможно, с мистером Риджуэем все обстояло несколько по-другому.

Под пристальным взглядом Уэста Рия чувствовала себя далеко не комфортно. Она подумала, что ему вполне хватило того, что он увидел в карете, а потом тогда, когда она стояла перед камином. Его бесцеремонное разглядывание ее нервировало. Ей не хотелось показаться ему бесхребетной барышней.

Она, в свою очередь, изучала его с не меньшей пристальностью, хотя и куда более осторожно. Она позволяла себе поглядывать на него, уверенная в том, что он не перехватит ее взгляд. Задача не из легких, поскольку он редко упускал ее из поля зрения. Она спрашивала себя, вполне ли он избавился от собственных подозрений или до сих пор думает, что она намерена причинить ему вред.

Но не в ее природе причинять кому-либо вред. Она скорее бы оступилась и упала, чем наступила бы на живое создание, будь то ящерица или лягушка. Однажды она позволила громадному волосатому пауку, обитавшему на чердаке, проползти по ее голый ноге, чтобы она могла стряхнуть его, оставив в живых. Прихлопнуть его книгой, что она держала в руке, у нее не хватило духу.

Уэст не знал ее – она понимала. Да и откуда ему знать?

Насколько ей известно, за все двадцать лет он ни разу не вспоминал о ее существовании. Удивительно, как он вообще смог догадаться, кто она такая.

– Как вы узнали меня, когда я вышел из клуба? – спросил Уэст.

Рия почувствовала, как краска заливаает щеки. Она решила sluкавить.

– Я слышала, как привратник назвал вас «ваша светлость».

– Паладин тоже пришел сегодня в клуб.

Она не имела представления о том, кто такой Паладин.

Надо полагать, что он тоже имел титул герцога и соответственно заслуживал такого же обращения. Затянувшаяся пауза была по нервам.

– Значит, не Риджуэй описал вам меня, – прервал молчание Уэст.

Рия мысленно выбрала себя за то, что не догадалась дать самое простое объяснение. Но правда состояла в том, что в то время как он забыл ее на двадцать лет, она его не забывала. – Мистер Данлоп мне намекнул, – заявила она.

Рия видела, что Уэст обдумывает ее заявление. Она поняла, что версия неплохая, поскольку Уэст готов поверить, что Данлопа можно подкупить. И ее версия неплохо объясняла нерешительность Реи. Он мог подумать, что она не хотела выдавать Данлопа. Когда Уэст тихо пробурчал что-то, она поняла, что он проглотил наживку.

Как она могла рассказать ему, что выросла, постоянно спрашивая о нем? И хотя те, кто ее окружал, не желали говорить с ней о нем, их нежелание лишь будоражило ее любопытство. И делало ее более осмотрительной. Во время визитов в Амбермед вместе с родителями, которые тогда еще не умерли, они всегда заезжали в деревню, а в деревне всегда находились те, кто с удовольствием рассказывал ей о внебрачном сыне герцога. Она узнала от них о его независимом характере и о взрывном темпераменте, о его выходках, о том, что он получил хорошее воспитание и отлично образован. Она знала, что его отправили учиться в Хэмбрик-Холл, подальше от младшего законного брата, который учился в Итоне. Она знала, что бастард герцога отлично играет в крикет и первый в гребле, но еще более знаменит как драчун. Когда она еще училась в школе, его отправили в Кембридж, где он изучал математику. Жители деревни считали его отчаянно красивым парнем с не слишком высокими моральными качествами. Его успехи вызывали у деревенских смешанные чувства, в которых доминировала зависть. О нем ходили дикие слухи, будто он контрабандой провез в Британию целый трюм французского коньяка. Говорили, что его разгулу на континенте удивлялись даже французы.

Однажды она увидела его портрет и тут же подумала, как, наверное, нелегко заставить его позировать художнику. Впрочем, на портрете его изобразили не в традиционном сидячем положении. Уэст стоял возле огромного черного жеребца в непринужденной позе, и благодаря мастерству художника зритель мог ощутить гибкость тела и раскованность движений изображенного. Слегка опираясь плечом о круп коня, он стоял, скрестив ноги в лодыжках. Непринужденность чувствовалась не только в позе, но и в выражении лица. На губах его играла то ли улыбка, то ли усмешка человека, знающего толк в радостях жизни. На правой щеке юного Уэста виднелась ямочка, а левая оставалась гладкой.

Но внимание Рии привлекали главным образом его глаза.

В темно-зеленых глубинах таилась ирония и что-то такое, что заставляло ее зябко поеживаться.

Рия увидела то же самое в его глазах и сегодня, буквально за мгновение до того, как он произнес ее имя вслух, и тогда ей вдруг захотелось, чтобы он отвел взгляд. От его взгляда сердце ее забилося быстрее. Сказать, что во взгляде его заключался гнев, значит ничего не сказать. Ярость – более подходящее слово. В глазах его читалось желание бить и крушить, невзирая на последствия, – ярость, замаскированная под беззаботной, чуть ироничной усмешкой.

Взгляд Уэста заставил ее испугаться за него больше, чем за себя.

С бренди в руке Уэст вернулся к креслу, но, вместо того, чтобы сесть в него, он присел на ручку с изящной легкостью, заметив, что она пребывала в состоянии задумчивости, и гадая, какое направление приобрели ее мысли. Она не вполне комфортно чувствовала себя в его присутствии, что он счел за добрый знак, но ни словом, ни жестом не дала понять о желании покинуть его дом. Ему бы хотелось, чтобы в ее поведении присутствовало больше настороженности и меньше доверия. Какого же дьявола ей от него надо?

– Итак, вы побудили Данлопа меня выдать, – задумчиво протянул он. – Могу я надеяться, что тридцати сребреников хватило?

– Я обошлась куда более скромной суммой.

– Тогда меня продали дешево.

– Боюсь, что так.

Он кивнул и отхлебнул еще бренди.

– С какой целью? Вы все еще ничего мне не объяснили. Вы проделали довольно длительный путь, чтобы прийти к такому итогу. Я имею право на объяснение причин.

– Я нуждаюсь в вашей помощи.

Усмешка его прозвучала сардонически.

– Я не настолько пьян, чтобы подобного не понять. Вопрос в том, насколько существенной помощи вы от меня ждете.

– Я думаю, весьма существенной.

– Сотня фунтов? Тысяча? Вам придется назвать цифру. – Он видел, что она в шоке. Она даже рот приоткрыла. – Больше тысячи? – спросил он. – Вы, значит, собираетесь меня шантажировать. Придется мне вас огорчить – со мной шантаж не пройдет. На мой счет всегда любили поострить и посплетничать, но никаких серьезных последствий их действия для меня не имели, за исключением того, что меня не всегда приглашают к сотрудничеству самые авторитетные деловые партнеры. Но они меня не волнуют.

Рия смотрела на него во все глаза. Как только он заговорил о шантаже, рот ее сам собой закрылся.

– Вы действительно весьма странный джентльмен, – промолвила она наконец и торопливо добавила: – Надеюсь, моя манера говорить прямо вас не обидела. Я не хотела вас оскорбить.

Он засмеялся – искренне, от души.

– Вам бы пришлось значительно расширить свой словарный запас, если бы вы вознамерились меня оскорбить, хотя начало вы уже положили, назвав меня джентльменом.

– О, но я не имела в виду... – Рия замолчала, поняв, что он над ней издевается. Его манера общаться, резкие переходы от холодного к горячему и наоборот, а иногда совмещение двух крайностей в одном сбивали ее с толку. Она поднесла бокал к губам и отпила глоток бренди. – Мне не нужны деньги, – пояснила она ему, – покуда я продолжаю получать свое содержание регулярно. Я ведь могу полагаться на вас в том, что вы быстро решите вопросы, которые поставил перед вами мистер Риджуэй относительно моей персоны?

Подлокотник кресла-качалки, на котором он сидел, внезапно показался Уэсту неустойчивым. Не спуская с нее взгляда, он опустился на сиденье.

– С чего бы мистеру Риджуэю озадачивать меня какими-то вопросами относительно вас? И что за содержание?

– Вы, я надеюсь, понимаете, что мое содержание в вашем ведении.

– Нет, не понимаю.

– Но ведь содержание входит в одну из обязанностей опекуна.

Уэсту не нравилось направление, которое принимал их разговор. Если бы он мог вернуть время назад, он бы предпочел ступить на проезжую часть при выходе из клуба чуть позже и оказаться под колесами экипажа.

– Тогда вам следует обратиться к вашему опекуну, – посоветовал он.

– Я и обращаюсь к нему.

Вот так удар! Он не смог вовремя сконцентрироваться, чтобы достойно его принять. Прямо кулаком в солнечное сплетение, и причем совершенно неожиданно! Еще никогда на боксерском ринге земля не уходила у него из-под ног, а сейчас именно это и произошло.

– Вы ошибаетесь, – заявил он.

– Думайте так, если вам хочется, – заметила она еле слышно, – но я не ошибаюсь.

– Я слышал.

Она улыбнулась виновато.

– Вам двадцать четыре года, – напомнил он ей.

– Да.

– В каком обществе сей возраст является недостаточным для того, чтобы вести свои дела без опекунов?

Рия продолжала улыбаться. Несколько вымученно. Она явственно ощущала его растерянность. Или страх?

– Ваш отец оставил довольно строгие распоряжения относительно того, что потребуется для моей независимости. Он говорил о моем легкомыслии, хотя учитывая тот факт, что я осталась ребенком, когда умерли мои родители...

– Сколько вам тогда было лет?

– Едва исполнилось десять.

– Вы сразу стали круглой сиротой?

– Да. Виной тому, как мне сказали, холера. Мои родители жили в Индии. Мой отец служил в полку, который размещался в Дели, и моя мама оставалась с ним. Я должна была ехать к ним как раз тогда, когда до Англии дошли слухи об эпидемии. Вскоре нам пришло сообщение, что они оба умерли.

Уэст подумал, что Рия говорит о случившемся отстраненным тоном не зря. Он понимал, насколько ей трудно.

– Нам? Кому это – нам? – спросил он, осторожно понуждая ее к дальнейшему рассказу.

– Мне и моему деду. Я жила у него в то время. Его покойная жена приходилась сестрой матери вашего отца.

Вот что услышать больше всего!

– Вы хотите сказать, что она считалась теткой герцога.

– Да.

– Вы могли бы так прямо и сказать.

Рия удивленно приподняла идеально очерченные брови:

– Мне кажется, я так и сказала. Мне следует нарисовать для вас фамильное древо? Соединить...

Он вскинул руку ладонью наружу:

– Умоляю, не стоит. Значит, мы родственники.

– Двоюродные.

– Дальние, – уточнил он.

– Вы правы.

Уэст откинулся на спинку кресла и прижал ко лбу прохладный хрусталь бокала. Он закрыл глаза, замер на какое-то время, после чего поставил бокал на стол и открыл глаза вновь. Рия пристально наблюдала за ним, и ей казалось, что она знает, как ему сейчас плохо. Он даже не попытался сделать вид, что ее слова здорово его расстроили.

– Почему вы тогда не остались с дедом? Вы ведь уже находились под его опекой.

– Здоровье его уже в то время сильно пошатнулось. Никто не ожидал, что он переживет своего правнука. Именно поэтому я собиралась ехать к родителям в Индию. Другой причиной явилось то, что родители не назначили его моим опекуном в своем завещании. Они ясно дали понять, что не хотели бы, чтобы я оставалась с ним.

– Как насчет других ваших родственников? Других бабушек или дедушек?

– Они умерли до того, как я родилась. Как видите, фамильное древо с моей стороны имеет маловато крепких ветвей.

– Похоже на то. – Он допил все, что оставалось у него в бокале, и поставил его на стол. – Прискорбный факт.

– Герцог – мой опекун.

– Понятно. – Уэст усмехнулся. – До меня уже дошло.

Рии так не показалось. Он не производил впечатление человека, успевшего осмыслить сказанное.

– Налить вам еще бренди? – предложила она.

– Умоляю вас, не пытайтесь мне угодить. Во-первых, вы мало чем можете мне помочь, а во-вторых, проявлять заботу уже слишком поздно.

Она больше ничего ему не предлагала, предоставляя хозяину дома в тишине осмыслить очередное свидетельство того, как круто меняется его жизнь со смертью отца. Он не слишком хорошо справлялся с ситуацией, а ведь главного она еще так и не сказала. Пора переходить к непосредственной цели ее приезда. Рано или поздно до него дойдет, что она не стала бы пускаться в столь длинный и трудный путь лишь ради того, чтобы напомнить ему об обязанностях, связанных с опекуном. Отправляясь в Лондон, она считала, что мистер Риджуэй уже сообщил ему обо всем.

Уэст потер переносицу. Он устал, крепко устал. Но она наверняка устала стократ сильнее.

– Сдается мне, – произнес он, – что все остальное может подождать до утра. До начала церемонии у нас будет время. И вы мне все скажете. Вы ведь намерены присутствовать на службе в Вестминстере?

– Разумеется.

– Хорошо. Тогда у вас не будет возражений относительно перенесения нашего разговора на завтра.

У нее оставались возражения, но она предпочла за лучшее не начинать разговор сейчас. Слишком привлекательной представлялась перспектива растянуться в постели. И все труднее становилось сдерживать зевоту.

– Нет возражений, – ответила она. – Можно поговорить и утром.

Уэст кивнул, почувствовав облегчение от того, что усталость сделала ее более покладистой.

– Скажите, где в Лондоне вы заказали гостиницу. Я вызову для вас экипаж. – Кровь отхлынула у нее от лица. – О нет, – замотал он головой. – Только не говорите, что вы собирались остаться здесь.

Услышав его слова, Рия и в самом деле устыдилась собственной глупости.

. – Теперь мне ясно, – тихо пробормотал Уэст, – почему в возрасте двадцати четырех лет вам все еще нужен опекун.

– Вы несправедливы.

– Совсем напротив. Я сказал то, что любой подумал бы на моем месте.

– Я взяла с собой деньги на гостиницу, но мне казалось важнее встретиться с вами. Заказать номер я просто не успела.

– Я могу лишь повторить, мисс Эшби, что вы неверно расставляете приоритеты. То же можно сказать и о вашем выборе способа со мной познакомиться. И то и другое значительно умаляет ваши шансы на получение независимости. Я уж не говорю о том, что я просто мог вас сегодня зарезать.

Крайняя степень усталости не помешала Рии вскинуть голову. Но говорила она очень тихо и очень вежливо:

– Вы взялись отчитывать меня, не имея ни малейшего представления о действительных причинах моего желания с вами встретиться. Вы настояли на том, чтобы отложить разговор до утра, и сейчас не располагаете достаточной информацией, чтобы вынести суждения. – Она встала, приятно удивленная тем, что у нее не дрожали ноги. Плохо лишь то, что подол платья

оставался все еще мокрым, – капли падали на ковер. Рия знала, что платье ее выглядит не самым лучшим образом, но не стала переживать по этому поводу. – Я заеду за вами в восемь, – сообщила она. – Таким образом, у нас останется достаточно времени для разговора до начала церемонии.

Уэст встал, бросив на нее скептический взгляд. И, как он с удовольствием отметил, под его взглядом она послушно опустилась на стул. Когда она села, он одобритительно кивнул:

– Красиво сказано.

На сей раз Рия чувствовала, как дрожат ноги. Вставать сейчас она не рискнула. Даже покойный герцог не мог поставить ее на место силой одного лишь взгляда. Уэст едва ли поверит ей, если она доведет до его сведения, что его отец относился к ней весьма снисходительно.

– Вы ничего не хотите мне еще сказать? – спросил он.

Она покачала головой.

– Из того, что вы хотели сообщить, есть ли что-то, что не может ждать до утра?

Рия задумалась. Чего она добьется, если расскажет ему обо всем сейчас? Может, ей станет легче на душе, но помочь ей прямо сейчас он едва ли сможет. У него полно хлопот, связанных в первую очередь с похоронами отца и принятием во владение поместья.

Уэст пытался понять, что стояло за ее нерешительностью.

– Вы нездоровы? – спросил он. – В опасности? Вам угрожают? Вы беременны?

Его вопросы для нее стали так неожиданны, что она не успевала вовремя говорить «нет».

– Нет, – ответил он за нее. – Я вижу, что вас привело ко мне нечто другое.

Пожалуй, впервые Рия поздравила себя с тем, что мысли ее так легко прочитать по выражению лица.

– Сейчас слишком поздно отправлять вас к кому-то из знакомых мне дам, поэтому я провожу вас в приличную гостиницу неподалеку отсюда. Мой дворецкий подберет вам горничную, и она останется с вами в качестве компаньонки. – Уэст сделал паузу, достаточную для того, чтобы Рия смогла высказать свои возражения. Он надеялся, что не усталость, а здравый смысл заставил ее попридержать язык. Поднявшись, он предупредил: – Подождите здесь. Я сделаю необходимые приготовления.

* * *

Уэсту показалось, что он едва успел коснуться головой подушки, как слуга его уже вошел, объявив, что пора вставать. Уэст сделал вид, что не слышит, продлив блаженство сна еще на двадцать минут, пока слуги готовили для него ванну.

– Вы будете завтракать у себя в спальне? – спросил Флинч. Уэст погрузился в восхитительно теплую ванну, и его снова потянуло в сон.

– Я всегда завтракаю в спальне, с какой стати сегодня... – начал Уэст и осекся. Он потер закрытые глаза и сказал скорее себе, чем слуге: – Только не говори, что она уже приехала.

Флинч мудро промолчал, положив полотенце на табурет возле камина и пододвинув к ванне другой табурет, на котором лежали намыленная губка и газета. Все он устроил так, чтобы Уэст без усилий мог дотянуться до того и другого. Скрывшись за дверями уборной, Флинч занялся одеждой хозяина. Поскольку сегодня Уэст вынужден обойтись без привычной прогулки верхом, Флинч выбрал для него черные брюки, рубашку свободного покроя, черный жилет с серебряными пуговицами и черный фрак – наряд, вполне уместный для завтрака в столовой. Он сложил одежду так, чтобы Уэст мог без труда взять, а сам занялся подбором того наряда, в котором Уэсту предстояло показаться на похоронах.

К тому времени как Флинч вновь появился в спальне, Уэст уже успел принять ванну и вытирал волосы. Взглянув на слугу с траурным одеянием в руках, Уэст тихо выругался.

Флинч привык не реагировать на подобные действия своего господина. Разложив на кровати предметы его туалета от рубашки до фрака, он стал подавать Уэсту одежду в том порядке, в котором ее следовало надевать. Когда Уэст застегнул фрак, Флинч поправил его на хозяине, чтобы не оставалось ни морщинки, затем прошелся по нему щеткой.

Уэст молча терпел всю суету с одеванием. Флинч по возрасту старше покойного герцога, но вел себя с Уэстом, как наседка с цыпленком. Уэст никогда не укорял старика. Слуга исполнял свои обязанности превосходно, и Уэст всегда мог на него положиться. Поскольку за последние несколько лет Флинч приобрел одышку вкупе с несколькими лишними килограммами и колени его угрожающе хрустели, когда ему приходилось сгибать их, поднимаясь по лестнице, Уэст решил, что не имеет права лишать его работы ни при каких обстоятельствах.

– Я еще не развалился на куски? – спросил Уэст, повернувшись лицом к зеркалу.

– Вне всяких сомнений, ваша светлость, – ответил Флинч.

– Мне бы порошок от головной боли.

Флинч кивнул. Уэста всегда удивляла его способность сохранять ангельское спокойствие и не менять выражения лица ни при каких обстоятельствах.

– Сейчас вам его принесут.

– В комнату для завтрака, Флинч.

– Хорошо.

Рия ждала его в том же черном платье, что и накануне. Пятна от воды и нашлепки грязи, украшавшие подол вчера, исчезли, очевидно, благодаря усилиям горничной. Тщательно выглаженное, сегодня оно выглядело прилично, но не более того. Рия не могла не почувствовать некоего неудобства, когда Уэст появился в столовой во всем свежем. Вчера вечером он вел себя несколько развязно, сегодня он предстал как само воплощение приличий.

Лицо Уэста, лишенное высокомерия, характерного для его отца и брата, не выражало ни приветливости, ни дружелюбия. Вежливая улыбка, чуть приподнятая точеная бровь, холодно-ватый блеск в глазах создавали дистанцию между ним и другим человеком. Очевидно, такова его жизненная позиция: положение наблюдателя устраивало его больше, чем участника какой-либо драмы. Ни той, ни другой ямочки на его щеках не наблюдалось.

У Рии сложилось впечатление, что мрачноватая серьезность вообще-то совсем для него не характерна и ему пришлось натянуть на себя подобную маску с некоторым усилием. Едва ли его сегодняшний серьезный и мрачноватый вид можно принять за дань уважения к его отцу. Скорее он решил, что ему будет легче сложить с себя полномочия по опекунству над ней, если он сделает подобный шаг в повелительной, несколько надменной манере.

Она подумала, что для нее было бы приятнее, если бы он приставил ей нож к горлу.

Уэст едва заметно поклонился, и глаза его блеснули одобрительно, когда он окинул ее взглядом.

– Хорошо выглядите. Вас устроили апартаменты?

– Да, спасибо. С вашей стороны очень любезно обо всем позаботиться.

– Любезно – нет, необходимо – да.

Ну что ж, он задал тон, значит, так тому и быть, подумала Рия. Доверительной беседы не получится. Он не желает. Создавалось впечатление, что он еще не все сказал по поводу неадекватности ее поведения и ждет возможности высказаться.

Уэст жестом пригласил Рию к буфетной стойке. Сняв крышки с блюд, он предложил ей наполнить свою тарелку. Стараясь не выдавать своего изумления, он смотрел, как она кладет на свою тарелку ломтики ветчины, помидоры, тосты с джемом. Когда оба сели за стол, Рия взяла яйцо всмятку, ложечкой разбила скорлупу и принялась очищать ее. Только тогда до нее дошло, что Уэст ограничился чашкой кофе.

Рия медленно опустила ложку. Она увидела себя со стороны. Уличная оборванка, готовая наброситься на еду.

– Что вы делаете? – спросил Уэст.

Все, что осталось от ее достоинства, пошло прахом в тот момент, когда ее голодный желудок громко напомнил о себе урчанием. Она хотела извиниться, но губы вдруг отказались слушаться, и лицо густо залила краска.

Вероятно, прошло немало времени, когда Рия ела в последний раз. Уэст с грустью посмотрел на нее.

– Ешьте, – велел он тем тоном, который не терпит возражений. – Не церемоньтесь. Я сам не церемонюсь.

От стыда она не могла поднять глаз. Она смотрела то на тарелку, то на собственные колени. Она едва смогла разжать пальцы, чтобы отложить в сторону ложку.

– Только не говорите, что такой пустяк, как случайное нарушение застольного этикета, может вас сразить. – Уэст положил к себе на тарелку горячую булочку с парой ломтиков бекона. – Вы бы меня разочаровали, особенно после вчерашнего. Вчера, признаться, меня потрясло ваше умение держать удар. – Наблюдая за ней краем глаза, он разрезал булку и намазал маслом обе половинки. Поскольку она все не приступала к еде, он взял свое яйцо и громко треснул ложкой по скорлупе, восприняв как хороший знак то, что она вздрогнула от громкого звука; плохо, если бы она по-прежнему отказывалась есть. Ему ничего не оставалось, как с воодушевлением приступить к еде. Может, так он вернет ей аппетит.

Рия взяла в руку тост с джемом и начала есть, тщательно следя за тем, чтобы откусывать по маленькому кусочку.

– Видит Бог, вы упрямы. – Уэст произнес свои слова вскользь, без всякого нажима или озлобления. – Мне кажется, вы бы предпочли умереть от голода, лишь бы не упасть в моих глазах. На вас как-то не похоже.

Взглянув на него искоса, Рия вздохнула:

– Вы намерены развивать подобную тему, да?

– Пожалуй.

Наверное, сухость его тона заставила Рию чуть-чуть улыбнуться. Она не могла предполагать, что у него такое особенное чувство юмора, и уж тем более что ей оно понравится. Последнее время в ее жизни представлялось так мало поводов для улыбок, что она не смогла избежать искушения.

Рия заставляла себя есть медленно, невзирая на голод. Время от времени ей приходилось прижимать ладонь к подреберью в попытке унять урчание в животе, и каждый раз она замирала от смущения, осторожно поглядывая на хозяина дома, чтобы понять, увенчалась ли ее очередная попытка успехом. Ей показалось, что ему надоело ее дразнить, вопреки его же утверждению. Он ел медленнее, чем она, и выпил три чашки кофе, в то время как она одолела лишь одну чашку какао. Она спрашивала себя, как ему удастся не морщась глотать черную горькую жижу. Но, похоже, для Уэста напиток оказался привычен. Он лишь время от времени поглядывал на нее из-под полуопущенных век с умеренным любопытством.

Уэст обрадовался, когда она положила себе еще еды без поощрения с его стороны, потому что он с трудом заставил себя доесть то, что лежало у него в тарелке, не говоря уже о добавке. Он не настаивал, чтобы она рассказала ему, что за беда погнала ее из Гиллхоллоу в Лондон. У них еще хватит времени поговорить, хотя он надеялся, что рассказанное ею скорее всего забавно, нежели утомительно. Впереди его ждал тяжелый день, полный скуки, и первым испытанием его терпению станут похороны отца. Он знал, что будет объектом перешептываний и косых взглядов. Но избежать их, как бы ему ни хотелось, он не сможет. В конце концов, такое событие он не мог проигнорировать, как игнорировал до сих пор всевозможные светские сборища. Обстоятельства и тяжелая, до сих пор не утратившая способности манипулировать

им, рука отца вытолкнули его на сцену, сделав центром внимания многочисленного собрания. Любой на его месте потерял бы аппетит.

Уэст поставил чашку на стол и отодвинул тарелку. Слуга подошел и убрал грязную посуду, после чего Уэст жестом отослал его прочь. В отличие от многих других себе подобных с достатком скромнее или выше его Уэст всегда чувствовал присутствие слуг. Он никогда не мог притворяться, что их нет, когда они в доме, и потому никогда ничего не обсуждал в их присутствии. Он-то знал, какие тайны открываются перед горничными и привратниками – во время обеда, например. Каких только вещей не говорят между шербетом и портвейном, не замечая тех, кто может подслушать и сделать выводы. Уэст и сам не раз пользовался подобной уловкой, когда ему приходилось что-то разведать. Достаточно переодеться слугой – и дело в шляпе. Прятаться на самом видном месте – так он называл свою тактику, когда обсуждал кое-какие дела с полковником Джоном Блэквудом, своим руководителем в министерстве иностранных дел.

Много воды утекло с тех пор, как для того, чтобы шпионить, ему приходилось прятаться в ветвях каштана.

Уэст подождал, пока слуга закроет за собой дверь, и только тогда обронил:

– Можете начинать свой рассказ с любого места. Я готов вас выслушать.

Рия незаметно для Уэста скрутила на коленях салфетку. По дороге сюда она мысленно проговорила все, что хотела сказать, избегая ненужных подробностей, но в то же время стараясь преподнести их так, чтобы он не мог легко отмахнуться от ее просьбы. Но теперь она не могла вспомнить ни слова из своей речи.

– Одна из моих девочек пропала, – сообщила Рия.

Уэст не торопился с ответной репликой.

– Хорошо. Вы можете начать с середины или, возможно с конца. Как правило, так не делают, но и у такого подхода есть свои почитатели. Я не нарушу порядок в ваших мыслях, если спрошу, как вообще какие бы то ни было девочки к вам попали?

Ноздри ее слегка раздулись, а губы, так славно очерченные, вытянулись в линию.

– Я директор академии мисс Уивер для юных леди в Гиллхоллоу. Последние шесть лет я там преподаю, а директором стала в январе. И до того как вы зададите мне вопрос, хочу сказать: нет, мисс Уивер не существует в природе.

Уэсту не пришлось в голову поинтересоваться этимологией названия академии, но теперь он не мог удержаться от вопроса:

– Мисс Уивер не существует сейчас или никогда не существовала?

Он не очень удивился, когда Рия не ответила на его вопрос, и мысленно дал ей за сообразительность очко.

– Продолжайте, мисс Эшби, вы удовлетворительно ответили на вопрос, почему вы считаете ваших студенток своими девочками, но меня возникает вопрос, как вы вообще попали в академию мисс Уивер. Вчера вечером вы упомянули содержание. Я не могу понять, как получение пособия согласуется с вашей должностью в школе. Герцог так мало вам оставил на жизнь?

– Его светлость назначил мне приличное содержание, – заверила она. – И работаю я, потому что таков мой выбор.

Уэст научился читать между строк и слышать то, что недоговаривалось. Ему показалось, что мисс Эшби сказала не все.

– Мой отец не одобрял вашей деятельности?

– Нет, не одобрял. Он не запрещал мне работать, но никогда не высказывался за. Он настаивал на том, чтобы я продолжала получать содержание.

И тут она опять кое-что недоговаривала.

– Которое идет не вам, – дополнил он, окинув взглядом ее наряд, – а на нужды вашей академии.

– Всегда есть студенты, которые не могут оплатить обучение.

– Всегда есть студенты, которые мало чего достигнут в жизни. Зачем вообще давать им образование? Какой смысл, особенно если речь идет о женщинах?

Рия не раз слышала подобные доводы. И они всегда приводили ее в замешательство. Но сей раз, услышав такие слова от Эвана, она испытала разочарование.

– Ваша точка зрения не нова, – проронила она, тщательно следя за тоном, – моя значительно... – Она замолчала. Он едва сдерживал зевоту. – Вы вообще не верите в необходимость давать образование женщинам?

– Простите, не верю. – Он чуть усмехнулся, откинулся на спинку стула и вытянул ноги. Руки его лежали на столе. Он не желал поступаться комфортом ради приличий. Уэст поиграл пальцами. – Но я не считаю себя таким уж реформатором. Не вам чета. Вообще-то я совсем не реформатор. Реформы – дело запутанное, и лучше оставить их политикам, которым нравится валяться в грязи, или женщинам, которым не терпится взять в руки метлу и выметать все нужное и ненужное.

– Я вижу, вы циник, ваша светлость.

– И я не собираюсь просить за это у вас прощения. – Он задумчиво окинул ее взглядом. – Мы поговорим о глобальных вопросах потом, а сейчас вам следует рассказать мне о девочке.

– Ее зовут Джейн Петти, и ей всего пятнадцать лет.

– Значит, она не ребенок.

– Нет, но...

– Вам не приходило в голову, что здесь замешан молодой человек? Может, ей понравился местный парнишка, и она сбежала с ним в ближайшую деревню.

– Я так не думаю. – Рия покачала головой. – У меня нет достаточных оснований.

– Значит, вы все же рассматривали такую возможность.

– Скажем так, я учитывала ее и не хотела упустить такое развитие событий. Джейн слишком доверчива, так что я допускаю подобное. Однако она девочка достаточно активная, так что если бы она собиралась с кем-то сбежать, то кто-нибудь да знал бы.

– Может, слово «активная» слишком мягкое для характеристики вашей пропавшей воспитанницы?

Рия машинально кивнула.

– Джейн болтушка, – уточнила она, и Уэст понял, что девочка ей действительно небезразлична. – Она никогда не сидит на месте. Ей трудно высидеть урок. Лишь выпорхнув из класса, она носится как стриж. Усидчивости в ней нет никакой. Она просто кипит энергией, и ничего втихомолку сделать не могла бы. Обычно все знали, где Джейн и что она делает. Джейн – страшная непоседа. Вокруг нее обязательно что-то происходит – интриги, драмы. Если она исчезла, и никто не знает, где ее искать, с ней действительно что-то случилось.

– Из ваших слов следует, что ее не очень-то любят.

– Нет, не совсем так. Она пользуется популярностью у других девочек, просто под нее надо подстраиваться.

– Я забыл, как женщины любят драмы. Для тех, кто способен устраивать интриги, они готовы делать большое снисхождение.

На сей раз бровь вздернула Рия.

– Наверное, ни способность оценить по достоинству, ни снисходительность не являются исключительно женскими качествами.

Уэст вспомнил о своих школьных друзьях и об интригах, какие они умели устраивать, и вынужден был с ней согласиться. Он едва не добавил, что юности вообще свойственно превращать жизнь в драму. Такое высказывание противоречило бы фактам. Друзья его вышли из нежного возраста, а интриги продолжали составлять суть их жизни.

– Сколько времени прошло с тех пор, как мисс Петти пропала?

– Шестнадцать дней.

Уэст постарался не показать своего разочарования. Он надеялся, что пропавшая девушка отсутствует куда меньший срок.

– И за все шестнадцать дней от нее не поступало никаких вестей?

– Никаких. Если бы она уехала с кем-то по своей воле, она бы уже написала. Она не такой легкомысленный ребенок.

– Послушайте, перестаньте называть ее ребенком. Не снимайте с нее ответственности за произошедшее.

– Но я знаю ее лучше вас, – тихо возразила Рия. – И я не верю, что она убежала сама.

Уэст предпочел не спорить. Она права – он совсем ничего не знал о Джейн. Но и он прав. Считать пятнадцатилетнюю девушку ребенком неправильно.

– Чего вы хотите от меня, мисс Эшби? Мы, наконец, дошли до сути того, зачем я вам понадобился вчера? Вы могли бы приехать в Лондон вместе с лордом Тенли и его семейством, если бы хотели лишь напомнить мне об обязанностях опекуна. Необходимо, чтобы вы ясно и просто сказали мне, что от меня требуется.

– Я хочу, чтобы вы помогли мне ее найти.

Он почти ждал такого исхода.

– Помочь мне? Вы хотите сказать, что намерены помогать мне в определении местонахождения мисс Петти?

– Нет, – твердо заявила она. – Я действительно хочу, чтобы вы мне помогли.

Ему не понравились ее слова. Он сделал над собой усилие, чтобы не озвучить свои возражения, но решил, что еще не готов дать ей ответ.

– Я все еще не в силах представить, что будь герцог в добром здравии, вы бы и к нему обратились с той же просьбой. – Когда она отвела взгляд, храня молчание, Уэст понял, что оказался прав. – Я бы хотел услышать ваши соображения.

– Я бы не пошла к нему, – ответила Рия наконец. – Не потому, что ваш отец не сочувствовал мне, но лишь потому, что он бы не упустил возможности в очередной раз отчитать меня по поводу школы.

Уэсту было трудно поверить, что герцог способен на сочувствие, но он не стал вступать с ней в пререкания. В очередной раз он мог убедиться, что Рия вынесла из общения с его отцом совсем иное, нежели он.

– Мисс Петти исчезла более двух недель назад, до того как кто-либо из нас мог бы предположить, какой сюрприз готовит для нас герцог. Вы могли бы обратиться к лорду Тенли со своей проблемой. В то время вы имели все основания допустить, что он станет вашим опекуном после смерти герцога.

– Ваш брат не стал бы мне помогать. Между нами нет вражды, – торопливо добавила она. – Просто лорд Тенли не склонен помогать ближним.

Уэст усмехнулся, заметив, как покраснела Рия.

– Вы стойко защищаетесь. Хочется надеяться, что в отношении меня вы не стали бы предпринимать подобных мер.

– Я только хотела сказать... – Рия замолчала, чтобы все окончательно не испортить. Он прекрасно понял, что она имела в виду. К тому же он знал, что собой представляет лорд Тенли.

Уэст отодвинул стул и поднялся на ноги. Он не торопился, давая ей проводить себя тревожным взглядом до камина. Остановился, разбил кочергой уголья, обдумывая, что он мог бы для нее сделать, выглянул из окна и посмотрел в сад. Снова начался дождь, сопровождаемый порывами ветра. Стекло испещрили диагональные полосы. Время от времени между каплями дождя попадались градины в форме игл. Скоро похолодает. Ледяные иголки оставляли на стекле иные следы, чем дождь, и таяли медленно, иногда падали на подоконник и пре-вращались в лужицы воды уже там.

Он поставил на место кочергу и обернулся к Рии, задумчиво проведя руками по медно-рыжим волосам.

– Я не вполне уверен в том, чего вы от меня ждете.

– Я ведь сказала. Вы можете помочь мне найти Джейн.

– Каким образом? – спросил он. – Деньгами? Или вы хотите, чтобы я нашел кого-то, кто провел бы расследование, Может, вы хотите, чтобы я устроил допрос возможным подозреваемым и дознался у них, кто из них тот негодяй, что воспользовался наивностью вашей подопечной?

– Я могу нанять, кого пожелаю, – сообщила она. – Но хочу, чтобы за дело взялись вы. – Она видела, как брови его недоуменно поползли вверх. – По-моему, нельзя сказать яснее.

– Согласен. Вполне ясно и прямо. Кажется, у вас именно такая манера вести разговор.

Рия твердо решила, что не даст увести себя от темы, отвечая на его колкости.

– Я могу предложить вам компенсацию расходов, но, как вы понимаете, тогда я просто не буду получать содержания. Если вы хотите получить больше, чем вы мне даете, вам просто придется давать мне больше.

Лучше бы она не вставала, подумал Уэст, ибо ее логика способна сбить с ног даже его. Ему показалось, что она собирается, пуститься в дальнейшие объяснения, и он выставил руку ладонью вперед, призывая ее к молчанию.

– Сделайте милость, не повторяйтесь. По опыту я знаю, что выяснение отношений мало что дает. К тому же вторичные объяснения всегда звучат громче первых.

Рия почувствовала, как завиток, выбившись из прически, коснулся ее щеки. Ей стало щекотно. Она видела, что и он смотрит на завиток, и выражение его глаз не способствовало тому, чтобы она побыстрее собралась с духом. Она быстро заправила локон за ухо.

– Что вы ответите на мое предложение?

– Простите мою тупость, мисс Эшби, но мне по-прежнему непонятно, в какой форме вы желаете получить от меня помощь.

– Ваша светлость или неискренен, или слишком скромн, или то и другое вместе.

– Я не знаю, что вы имеете в виду.

Она не могла назвать его лжецом, хотя очень хотелось.

– Вы занимаете должность в министерстве иностранных дел.

– Да. Верно.

– Тогда у вас есть связи.

– Вы правы, хотя я не понимаю, как мои связи могут использоваться для поиска мисс Петти.

– Вы совсем ничему не научились?

Уэст потер подбородок.

– Я знаю кое-что о том, как составлять официальные бумаги. За ними, собственно, я и провожу там время. Просматриваю документы, визирую, передаю от одного к другому. Довольно скучно, но чего не сделаешь ради своей страны.

– Я вам не верю, Я хочу сказать, насчет документов.

– Я клерк, мисс Эшби, хотя я думаю, что вступление в наследство освободит меня от нудной работы. Хотя бы на время. Возможно, в будущем мне самому позволят писать бумаги. Как мне представляется, теперь у меня появится своя печать, ее я и смогу использовать при подписании документов. – Уэст видел, как у нее опустились плечи. Глаза ее стали печально-покорными. – А вы как думали? Что именно, как вам представляется, я делаю в министерстве?

Она пожала плечами:

– Я всякое слышала.

– Не заставляйте меня напрягаться, чтобы вас расслышать.

– Я слышала всякое, – на сей раз более отчетливо повторила она.

– Что вы слышали? Надеюсь, не всякую чепуху насчет контрабанды французского бренди?

Значит, он не контрабандист. Рию разочаровал и такой факт. Слухи о его похождениях на континенте тоже, вероятно, лживые, хотя она никогда в них особо не верила.

– Я слышала, что вы работали разведчиком во время войны против Наполеона.

Уэст смотрел на Рию с плохо скрываемым удивлением.

– Моя дорогая мисс Эшби, только не говорите мне, что вы носитесь с мыслью, будто я шпион. О, вижу, что попал в точку. Нет, не надо ничего отрицать. У вас и без того забот хватает. Мисс Петти, например. Верно, что я воевал вместе с Веллингтоном, но разведывательные данные собирались другими и лишь потом передавались мне. Если бы я назвал себя курьером, я уже преувеличил бы свои заслуги. Я числился всего лишь мелкой сошкой – винтиком в колесе, как обычно бывает с клерками. Я честно делал свое дело, но от того, состоял я в лагере Веллингтона или нет, исход Ватерлоо все равно не зависел.

– Вы поставляли провизию? – расширив глаза, спросила она.

– Я поставлял все, что требовалось для армии, чтобы идти вперед и драться. Вообще-то я специалист в математике, именно она держала меня пленником в Кембридже столько лет.

– Так вы математик... И сейчас вы говорите о... о сложении?

– Да, более или менее. Будь вы на месте Веллингтона, вы бы тоже хотели иметь точные расчеты. Сколько ружей. Сколько пушек. Сколько людей. Форма, подводки с едой и так далее. Сапоги. Лошади. Седла. Штыки.

– Солонина, – подсказала Рия. – Да, я понимаю, насколько перечисленное важно, но я думала, вы делаете что-то... – Она умолкла.

– Что-то более романтическое? Вы читаете слишком много романов. Но я вас не виню. На войне как на войне – любая работа тяжелая.

– Я не хотела умалить ваш вклад, – торопливо возразила Рия. Смущенная, запутавшаяся, она с трудом подбирала слова. – Я только...

Уэст вернулся за стол.

– Вас гнетет тревога о мисс Петти, а я ничего не сделал, чтобы облегчить вам ношу.

Рия слабо улыбнулась в ответ.

– Скажите мне, – почти безразличным тоном проговорил он, – как случилось, что вы решили, будто я шпион?

Она не могла сказать ему честно. Действительно, какой же из него шпион, если все так говорят.

– Я ездила с герцогом в Лондон, – заявила она, – лет пять-шесть назад, как раз тогда, когда Веллингтон вошел в Мадрид.

– Шесть лет назад, – уточнил Уэст.

– Да, кажется, вы правы. Незадолго перед тем, как я получила должность в школе. Как я уже говорила, я находилась в Лондоне в резиденции герцога, и он принимал посетителя. Нас не представили, поскольку я стояла на верхней площадке лестницы в холле, в тени, но я заметила, что герцог очень обрадовался гостю и велел принести им закуску в его кабинет. Поведение герцога меня удивило. Ваш отец не любил принимать гостей.

– Итак, они разбудили ваше любопытство.

Она кивнула:

– Я подслушала под дверью. Мне стыдно, но это факт. Я только хотела узнать, как зовут посетителя, а позже расспросить о нем герцога. Но услышала я ваше имя. Сначала я не поняла, потому что пришедший назвал вас не по имени и не по фамилии.

– В самом деле? Как же он меня назвал?

– Он назвал вас Уэст.

– Понятно. – Уэст и бровью не повел, но Рия заметила, что ему стало больно. – Действительно, запутаешься.

– Да. Боюсь, я провела под дверью значительно больше времени, чем изначально предполагала. И все для того, чтобы прояснить недоразумение.

– И вы поняли, что речь идет обо мне.

– В конце поняла. Когда упомянули, что вы – сын герцога. Я знала, что речь не идет о лорде Тенли. Он предпочитал коротать время за карточным столом здесь, в Англии. Таким образом, оставались вы.

Уэст лишь деликатно кашлянул в ответ.

– Они говорили долго, и я кое-что узнала о вашей деятельности в министерстве.

– Видимо, не так уж много. Вы даже не поняли, что я находился в Мадриде.

– Но я не могла тогда задавать вопросы. К тому же никто из них не говорил обо всем прямо. Они и так понимали, о чем говорят, а я – не совсем.

– Вот вы и решили дополнить пробелы сказками о шпионах и интригах.

– Я не думала, что это сказки, – тихо промолвила она, – но, по сути, вы правы.

Уэст закрыл глаза и потер веки:

– Вы помните имя того, кто говорил с герцогом?

– Я помню, что он держал в руках трость, – сообщила она, – и трость служила не украшением. Он тяжело опирался на нее, чтобы дойти до библиотеки.

Уэст кивнул. Для него информации вполне достаточно. Рия вскинула голову и щелкнула пальцами:

– Блэквуд. Полковник Блэквуд. Что вы о нем думаете?

Уэст знал, что она ждет от него одобрительной реплики – ей удалось запомнить имя человека, услышанное ею лишь раз много лет назад, – но он не мог доставить ей такого удовольствия.

– Что я думаю? Что я бы с радостью кого-то убил.

Глава 3

Служба в аббатстве, где Уэсту пришлось присутствовать, длилась бесконечно, и он не ошибся, предполагая, что все внимание окружающих сосредоточится на нем. Он постоянно перехватывал вороватые взгляды, устремленные на него. За его спиной постоянно слышался чей-то шепот. А те, которых он успел приблизить к себе настолько, насколько он вообще позволял к себе приближаться, собрались у него дома. Они пришли сюда не потому, что хотели почтить память покойного герцога – ни один из собравшихся не любил его. Скорее люди пришли помянуть Эвана Марчмена – человека, который волею своего отца превратился в его светлость герцога Уэстфала.

День рождения подобное сборище не напоминало.

Но разве у него был выбор? По завещанию он не мог передать титул лорду Тенли, что бы ни думал его брат, считавший себя единственным законным наследником. Более того, как только герцог открыл правду о своем браке, Уильям, лорд Тенли, тут же превратился в незаконного сына, и дать ему право называться законным сыном Уэст тоже не мог. Уильям мог обратиться к принцу-регенту, чтобы тот рассмотрел такой щекотливый вопрос, но каким будет решение коронованной особы, оставалось неясным. Уэст надеялся на благородную щедрость принца. Уильям мог бы найти утешение, пусть малое, в графском титуле, который перешел бы к нему со стороны матери. К несчастью, кроме титула с материнской стороны, он мало что мог получить. Нельзя сказать, чтобы лорд Тенли остался без средств к существованию, но перспективы его далеко не радужные.

Его присутствие на похоронах вносило в и без того неловкую ситуацию дополнительный дискомфорт, но оба брата старались держаться достойно. Никто не устраивал сцен, и Уэст считал его поведение неплохим знаком. Уэст не мог не сочувствовать брату. Лорд Тенли с самого рождения знал, что станет герцогом, и теперь все надежды его оказались разбиты, в то время как Уэст вырос с сознанием, что человеку немного надо для жизни, и он никогда не рассчитывал на других.

От нелегких раздумий Уэста отвлекла леди Бентон-Рид, которая решительно приблизилась к нему и начала беседу. У противоположной стены рядом с отделанным зеленым мрамором камином стоял Саутертон. Уэст следил за тем, чтобы не слишком часто смотреть на него. Уэсту показалось, что он заметил, как весело блеснули глаза Саута, когда к нему подошла леди Бентон. Друг явно потешался над несчастным Уэстом, вынужденным терпеть невыносимую скуку светской беседы с дамой, не отличающейся ни красотой, ни молодостью, ни остроумием.

Ему удалось освободиться лишь тогда, когда Норт с женой подошли, чтобы выразить свои соболезнования и сообщить, что уезжают. Уэст переводил взгляд с одного на другую и видел, что между супругами пробежала кошка. Вчера Норта поддразнивали за то, что он весь в себе и не желает общаться. Со вчерашнего вечера он мало изменился, несмотря на то, что вел себя так же спокойно, как вчера. Уэст не мог удержаться, чтобы не спросить себя, что же произошло между Элизабет и ее мужем. Графиня выглядела бледной, и веки ее слегка припухли. В глазах ее стояла печаль. Уэст знал, что причина ее грусти не сегодняшнее скорбное событие. Что касается Норта, то те, кто хорошо знал его, тоже могли кое-что заметить. Уэст считал себя одним из них. Глядя на Норта с женой, Уэст испытывал странное ощущение, будто он подглядывает в собственном доме.

Он сделал все, чтобы избавить супругов, переживавших семейный кризис, от необходимости натужно улыбаться и вести беседы с другими гостями, проводив их до дверей. Вернувшись в зал, Уэст тут же заметил, что Саут исчез, и сразу догадался куда. Уэст заметил, что дверь его кабинета заперта, и понял, что Саут беседует с полковником. Нортхем и его жена

имели разговор с полковником ранее, и когда Уэст взглянул на Истлина, ему показалось, что тот тоже ждет своей очереди.

Все в порядке. Друзья пообщаются с полковником первыми. Может, так даже лучше. Полковник вряд ли пожелает задерживаться в гостях после беседы с хозяином. Уэст не намерен щадить старика.

Джон Блэквуд, советник в министерстве иностранных дел, руководящий деятельностью Компас-клуба, подоткнул плед, укрыв им свои больные ноги, и подкатил кресло-коляску ближе к камину. Он позволил уговорить себя не ездить в Вестминстер на службу, но не приехать к Уэсту домой он не мог.

Теперь он уже задавался вопросом, правильно ли поступил, отправившись сюда, поскольку вечер вне дома утомил его сверх всякой меры. Привезла его из гостиной сюда, в кабинет Уэста, его любимица Элизабет. Он не хотел устраивать сцен и потому не сопротивлялся. Впрочем, сопротивляться ему не очень-то и хотелось.

Элизабет упрасивала его, даже требовала, освободить ее мужа от поручения отыскать Джентльмена-вора. И он, Блэквуд, рад бы, но не мог выполнить его просьбу. Не мог он также и сказать ей ничего, что бы успокоило ее. Вора необходимо поймать, и Норт – как раз тот человек, которому такая трудная задача по плечу. Если бы Блэквуд передал ее решение другому, дело затянулось бы на месяцы, а времени у них не оставалось.

Полковник не без оснований опасался, что Элизабет перестанет с ним разговаривать.

Не успел закончиться первый поединок, как Саутертон захотел воспользоваться его вниманием. Полковник угрюмо ухмыльнулся, вороша уголья. Саут не только потребовал от Блэквуда уделить ему время, но и обозвал его проклятым ублюдком – теми словами, которыми обычно называли покойного герцога. Виконт видел, что отношения Норта и Элизабет на грани срыва, и хотел, чтобы полковник отпустил ему грехи. Вернее, один грех – грех сводничества. Ведь Саут способствовал браку Норта и Элизабет. Полковник несколько более оптимистично, чем Саутертон, смотрел на развитие супружеских отношений его друга. Словно имея на то право, полковник отпустил Саутертому грехи, сняв с Саута всю ответственность за семейные неурядицы Норта, и перешел к главному заданию Саутертонна. Сауту удалось заставить весь Лондон говорить об исчезновении мисс Индии Парр. Прима «Друри-Лейн» пропустила два представления, и ее поклонники, в основном лица мужского пола, едва не спалили театр. Стало известно, что в исчезновении мисс Парр виноват Саутертон, за что его следовало линчевать и четвертовать. Во время разговора с Саутертоном полковнику пришла в голову мысль, не возглавить ли ему акцию с поисками знаменитой актрисы.

Не успел он отпустить Саутертонна, как явился Истлин.

Маркиз оказался в чертовской заварушке из-за брошенной им любовницы. Слухи о его помолвке с леди Софией Колли служили еще одним препятствием к выполнению порученного ему задания.

Полковник ткнул бревном в камине кочергой, и костяшки пальцев его побелели от усилия. С Истлином ему тоже пришлось нелегко. Он буквально заставил молодого человека проанализировать собственные поступки и решить для себя, как он будет жить дальше. Задача, связанная с обеспечением военной поддержки Ост-Индской компании, не могла осуществиться, пока Ист не наведет порядок в собственном доме. В самом деле, для успеха предприятия требовалось, чтобы он пренебрег вторым ради первого, и полковник, хотя и сочувствовал Исту, стоял на своем.

Блэквуд только успел положить кочергу, как дверь приоткрылась, и вошел Уэст.

– Я ждал тебя, – не поднимая головы, бросил Блэквуд.

– Я так и думал. Остальные уже получили аудиенцию. Справедливость требует, чтобы вы и меня приняли.

Полковник не тешил себя иллюзией того, что ледяные нотки в тоне Уэста ему почудились. Темные глаза человека в кресле сузились и потемнели еще сильнее. Уэст даже не пытался притворяться приятно расслабленным. Он находился в трудном положении. Натянутый как струна, весь в напряжении, с упрямо поджатыми губами, с развернутыми плечами. Он выглядел чрезвычайно худым. Глядя на него, можно было подумать, что он одержим болезнью или безумием.

Полковник повернул кресло в сторону буфета.

– Виски будешь?

– Нет. – Уэст видел пустые бокалы, оставленные друзьями. Полковнику удалось и их напоить, и самому изрядно приложиться. Человека можно понять. У себя дома он не мог позволить себе такую вольность – врач категорически запретил ему употреблять алкоголь, и домашние тщательно следили, чтобы указания врача выполнялись неукоснительно. – Но вы можете налить себе, – добавил Уэст.

Блэквуд покачал головой:

– Я уже выпил, спасибо. Я еще вполне способен отдавать себе отчет в том, до какой степени могу позволить себе расслабиться.

Уэст сел. Блэквуд все еще оставался красивым мужчиной.

Болезнь, что терзала его ноги, не коснулась ни его внешности, ни ясного ума. С годами реакция его замедлилась, и иногда дрожь в руках выдавала его состояние, но он все еще был очень силен духом и все еще мог силой одного взгляда заставить противника раскрыться. По-прежнему виртуозно он владел методом кнута и пряника, умело сочетая похвалу и вызов честолюбию. Полковник оставался элегантным, как бы сильно ни мешала ему в этом болезнь, и элегантность тоже составляла неотъемлемую часть его образа. Уэст знал, что болезнь полковника прогрессирует. Еще прошлым летом он мог приехать в поместье Баттенберн, чтобы присутствовать на свадьбе Нортхема и Элизабет, мог самостоятельно, лишь опираясь на две палки, пройти к алтарю по проходу. Прошло всего лишь пять месяцев, а полковник уже не мог подняться самостоятельно. Что же до остального – чуть прибавилось морщинок в уголках глаз, лоб пересекла скорбная складка, да чуть больше стало седины в густой черной шевелюре.

Блэквуд опустил на нос очки в золотой оправе и одарил Уэста неожиданно мягкой улыбкой.

– Все ушли? – спросил полковник.

Уэст кивнул:

– Я только что попрощался с родителями Саутертон и матерью Нортхема. Леди Уинслоу и сэр Джеймс ушли всего несколько минут назад.

Полковник не удивился тому, что семья Иста тоже задержалась у Уэста. Так происходило всегда, с тех пор как у Уэста умерла мать. Он тогда учился в Кембридже. Но задолго до того Уэст уже стал своим в семьях его друзей, Уэста воспринимали как сироту. Сама графиня Нортхем называла герцога грязным ублюдком и защищала Уэста, несмотря на то, что именно Уэст сломал Норту нос, когда они еще учились в школе.

Блэквуд усмехнулся. Незаметно для себя Уэст принял ту агрессивную позу, которая характеризовала его еще в школьные годы, когда он успел подражаться с каждым из одноклассников. Блэквуд спросил себя, какое бы он составил мнение о юном Эване Марчмене, если бы познакомился с ним в школьные годы. Относился бы он к нему так же бескомпромиссно и жестко, как преподаватели и администрация Хэмбрик-Холла, или все же сумел бы разглядеть в драчливом и злом мальчишке человека страдающего и запугавшегося? Смог бы он тогда понять, что только боль Уэста делает агрессивным?

Уэст сидел на стуле прямо, положив руки на колени. Он не был расположен к вежливым любезностям, а предпочел перейти к делу немедленно.

– Почему вы никогда мне не говорили, что посещали его?

Полковник понял, о чем его спросили, но, тем не менее, вопрос его удивил.

– Я никогда не считал, что должен сообщать тебе о тех, кого я посещаю. Отчего ты решил, что для тебя я должен сделать исключение?

– Не задавайте мне вопрос, на который вы можете ответить сами.

Блэквуд бросил на Уэста острый взгляд из-под очков.

– В действительности я не уверен, что могу на него ответить. Положение сына Уэстфала не дает тебе права знать о каждом случае моего посещения твоего отца. Напротив, принимая во внимание отчуждение между вами, я мог бы решить, что тебе совершенно неинтересны наши с ним отношения.

– Но не тогда, когда предметом вашего обсуждения являлся я.

– Вот уж не думал, что у тебя мания величин. Мы обсуждали и те вопросы, которые к тебе не имели никакого отношения.

Уэст оставался неумолим.

– Но вы действительно обсуждали с ним мои дела.

Блэквуд редко колебался, но сейчас настал именно такой случай.

– Иногда, – признался он неохотно. – Да, обсуждали.

Уэст насторожился.

– Почему? – тихо спросил он. – Зачем вообще что-то ему сообщать обо мне? Вы и лорда Реддинга столь же охотно посвящали в дела Саута? Не могу даже вообразить, чтобы вы рассказывали матери Нортхема, чем он занимается. Да и Истлин не одобрил бы...

– Я тебя понял, – заметил полковник. – И ты прав. О других я почти ничего не говорил.

– Тогда почему...

– Они никогда не высказывали желания узнать о чем-то. Лорд и леди Реддинг. Сэр Джеймс и леди Уинслоу. Вдовствующая графиня. Все они чувствовали себя комфортнее, не вникая в подробности. Герцог хотел знать, и до той степени, до какой я мог, я его информировал. Твой отец занимал высокий пост в правительстве, Уэст. Он в скором времени готовился стать премьер-министром, после того как было совершено покушение на Персивала. В то время его многие поддерживали. Человек с таким положением и с такими связями, как твой отец, легко мог получить любую интересующую его информацию, в том числе и совершенно секретную. Я думаю, что ты бы предпочел, чтобы он узнал ее от меня, а не из иных источников. На точность моих сведений ты, по крайней мере, мог бы положиться.

– Я рассчитывал с вашей стороны на полное молчание.

Редко когда Блэквуд не находил, что ответить, и сейчас он попал в затруднительное положение.

Уэст взглянул на графин с виски, стоящий в буфете, и вдруг понял, что не уверен, сможет ли дойти до него. Из него словно разом выкачали все силы. События последних трех дней отчасти лишили его способности выносить четкие суждения.

– Он не имел права знать о моих делах. – Несмотря на переполнявшие Уэста эмоции, голос его оставался на удивление твердым. – Я думал, что по такому вопросу у нас есть с вами взаимопонимание. Если герцог хотел что-то узнать, он должен был обратиться ко мне.

Полковник понимал, что нет смысла говорить общеизвестную истину. Уэст не стал бы отвечать ни на один вопрос отца. Блэквуд молчал. Оправдываться он не хотел.

– Вам совсем нечего сказать? – прервал молчание Уэст.

– Полагаю, что если ты и хочешь что-то услышать, так только извинение.

Уэст молчал, но извинений так и не последовало.

– Выходит, вы не испытываете сожалений?

– Я сожалею, что не прислушался к собственному внутреннему голосу и не проинформировал тебя, что твой отец наводит о тебе справки.

Уэст прищурился:

– Отчего же вы не прислушались к себе? Разве вы не того же требуете от нас?

– Да. Но я всего лишь человек, а человеку свойственно ошибаться, – с усмешкой ответил полковник.

– А как насчет того, что вы говорили обо мне с герцогом? Надо полагать, вы тоже не сожалеете о разговоре.

Ничего не сказав, полковник дал исчерпывающий ответ.

– Понятно, – пробурчал Уэст. Он уселся поудобнее в кресло и вытянул перед собой ноги. – И вы никогда не задумывались о последствиях?

– Разумеется, я не раз задавался вопросом, какие ты сделаешь выводы. Я надеялся, ты сумеешь все понять правильно.

– Что именно я должен понять? Только то, что он сделал меня своим проклятым наследником. Он бы не сделал так, если бы считал меня простым клерком в министерстве. Вот что я понимаю. Вы наплели ему чепуху про мое особое задание в лагере Веллингтона и...

– Чепуху? Я говорил только правду и ничего, кроме правды. Я и половины ему не рассказал, что ты смог сделать тогда для Веллингтона. Год спустя ты отправился в занятый французами Мадрид. Ты хочешь сказать, что не считаешь свою работу рискованной и достойной хотя бы похвалы?

Уэст махнул рукой – то ли из скромности, то ли из-за безразличия.

– Я продвигал документы, Веллингтон продвигал армию. Мой вклад был...

– Значительным, – закончил полковник.

– Я не надорвался.

– А я не собираюсь льстить. Я говорю правду.

Уэст не желал более продолжать разговор. Он знал, что он сделал немало, но не считал, что внес какой-то особый вклад в победу над Наполеоном. Другие сделали не меньше его. Он встал и подошел к окну. Дождь перешел в дождь со снегом, замерзшие капли стучали по стеклу. Дороги, должно быть, развезло. Уэст думал о том, каково сейчас Рири. Отправилась ли она в Гиллхоллоу одна или поехала с лордом Тенли и его семьей? Он хотел знать...

Уэст опустил шторы и обернулся. С некоторым запозданием он обнаружил, что полковник развернулся в своем кресле-коляске и сейчас пристально на него смотрит. Похоже, старый разведчик увидел несколько больше того, что хотел бы открыть ему Уэст. Уэст провел рукой по волосам, злясь на себя за то, что ослабил бдительность, и несколько сконфузился.

– Итак, о чем мы говорили?

– В самом деле – о чем? – сухо переспросил полковник. – Вообще-то я рассчитывал, что ты уважишь меня, раскрыв источник своей информации. Не могу припомнить, кто, кроме самого герцога, мог знать о моих визитах.

– Слуги.

Полковник покачал головой:

– Я не забываю о них, но они никогда бы не сказали о наших встречах с тобой. У герцога вышколаченный персонал.

Уэст не мог сдержать улыбки. Он пожал плечами, чтобы отвлечь полковника. Полковник забыл, что сейчас общался не с кем иным, как с герцогом Уэстфалом, и преданные его отцу слуги сейчас служили у него. Возможно, им бы не хотелось обо всем рассказывать новому хозяину, но под определенным нажимом со стороны нового герцога у них все равно развязались бы языки.

– Ты не хочешь ничего мне объяснить? – спросил полковник.

Странное дело, Уэст чувствовал себя неловко оттого, что отказывал полковнику. Перед ним он продолжал ощущать себя маленьким и зависимым. Не очень приятное чувство.

– Мисс Эшби, – назвал он, наконец, имя, пристально наблюдая за реакцией полковника. – Я не спрашиваю вас, знаете ли вы, кто она такая. Я вижу, что знаете.

Блэквуд задумчиво постучал себя по носу.

– Она присутствовала сегодня на службе?

Уэст медленно кивнул.

– В дополнение к титулу и значительному состоянию герцог оставил мне в наследство приемную дочь. Как вам нравится его поступок, полковник? Кажется, у старика все же имелось чувство юмора.

– Да, положение интересное.

– А мне что делать, если не искать смешную сторону в такой проклятой ситуации? – спросил Уэст. – Он уже мертв, убить его я все равно не могу.

Полковник счел за хороший знак, что к Уэсту наконец вернулось чувство юмора, хотя и несколько мрачноватое.

– Не думаю, что мисс Эшби внесет какой-то диссонанс в твоё существование. Из всего того, что свалилось тебе на плечи, она наименьшая обуза.

У Уэста брови поползли вверх.

– Она личность. Она женщина. С женщинами всегда труднее управиться, чем с землей или деньгами. Вы улыбаетесь. Вы ведь не можете не замечать, что у Нортхема не все ладится с Элизабет. А Истлин? Мечется между двух огней – миссис Сойер и леди Софией – и уже готов яд принять, лишь бы покончить с таким обстоятельством. Даже Саут, который чертовски ловко выходит из подобных затруднений, и тот ведет себя весьма странно. Помяните мое слово, здесь замешана женщина, и он даже уговорил меня дать ему ключи от моего коттеджа в Амбермеде для тайных свиданий.

Уэст видел, что полковник и бровью не повел, услышав последнее откровение.

– Ах, вот как! Так вы все и о нем знаете? Стало быть, он находится в моем коттедже по вашему поручению? Нет, ничего не надо подтверждать, – Уэст выбросил вперед руку, – я и так все знаю.

– Я и не буду ничего подтверждать. Чего мне меньше всего хочется, так чтобы вы вчетвером кувыркались друг через друга. Но кажется, вопреки моим желаниям все именно так и происходит.

– Удивительно, как Ист до сих пор никого из нас не пристрелил.

Блэквуд взглянул на ботинки Уэста.

– Еще удивительнее, как ты до сих пор никого из них не зарезал.

– Мне приходится слышать от друзей ту же фразу время от времени.

Полковник не сомневался.

– Расскажи мне о мисс Эшби, – попросил он. – Как случилось, что ты от нее узнал о моих визитах к герцогу? Мне не приходилось с ней встречаться.

Уэст рассказал полковнику все, что передала ему Рия.

– Вам не кажется, что вместе с опекуном я приобретаю кучу проблем? Она подслушивает под дверь, по ее же признанию. Уже одно это создает массу проблем.

Полковник мог бы напомнить Уэсту, что последний в силу своих обязанностей сам нередко подслушивал под дверь, но промолчал.

– Ты, пожалуй, слишком-суров к ней. Не думаю, что подслушивание вошло у нее в привычку.

– Ничего не могу сказать. Она сообщила мне лишь об одном конкретном случае.

Полковник покашлял, чтобы скрыть смешок.

– Осторожнее, Уэст. Твой тон напоминает мне тон Нортхема, когда он резонерствует. Ты мог бы избавить меня от подобных сравнений. Даже собственная мать с трудом выносит твоего друга, когда он напускает на себя подобный тон.

Уэста поразили слова полковника.

– Надо ли мне понимать вас так, что вы и до моего признания знали, на что способна мисс Эшби? Еще никто не обвинял меня в резонерстве.

– Ты прав, – тихо отозвался полковник. – Твоя подопечная действительно обладает известным влиянием.

Неплохо, подумал Уэст. Он вернулся к креслу и присел на подлокотник. Он ждал, пока полковник повернется в своем кресле и заговорит.

– Вы могли бы поинтересоваться, каким образом во время службы мы могли бы говорить на подобную тему. Если честно, во время церемонии мы не обменялись и парой фраз. Мисс Эшби явилась ко мне сама накануне ночью. Прошу заметить, без сопровождения.

– Вот как, – удивился полковник. – Похоже, я действительно мало знаю твою подопечную, хотя, как мне кажется, покойный герцог такого поведения не одобрил бы.

– Герцог мертв.

– Тут ты прав.

– Не вижу смысла говорить полуправду, – вздохнул Уэст. Он посчитал, что должен рассказать полковнику все.

Рия прижимала Эмми Нэш к груди. Девочка казалась безутешной, а Рия сама находилась на грани истерики, что усугубляло ситуацию. Рия приказала себе держаться. Всякий раз, когда Эмми поднимала на нее глаза, Рия заставляла себя улыбаться.

– Ты правильно сделала, что пришла ко мне, Эмми. – Рия гладила Эмми по взлохмаченной головке. – Лучше поздно, чем никогда. Ты молодец, что не побоялась все рассказать, зная о наказании. – Рия могла бы сказать куда больше, прочесть Эмми целую лекцию, но зачем? Эмми понимала, что должна была обо всем рассказать еще шесть недель назад, когда все произошло. Но пусть поздно, возможно, слишком поздно, но Эмми все же решилась и тем самым заслужила благодарность, а не выговор. – Ну, хватит, – успокаивала ее Рия, – перестань плакать и покажи мне свое хорошенькое личико.

Эмми подняла лицо, и Рия осторожно промокнула слезы со щек носовым платком, от которого пахло лавандой. Когда она предложила Эмми высморкаться, та отказалась портить нежный батист и, вместо того чтобы высморкаться, громко всхлипнула.

– Эмми, так нельзя, надо высморкаться. Платочек можно постирать. Ну, давай, дай мне услышать, как трубят архангелы.

Эмми улыбнулась сквозь слезы и сделала то, что велют. Рия отдала девочке платок.

– Держи, он твой. Как только захочешь плакать, сожми его в кулачке, и слезы задержатся. Шоколадно-карие глаза Эмми недоверчиво блеснули.

– А к глазам мне его прижимать не надо?

– Только если хочешь поймать слезы. Если хочешь перестать плакать, чихни. Ты увидишь чудо. – Хорошо, что Эмми еще мала и ее можно успокоить с помощью волшебного носового платка. – Ну вот, умница. А теперь расскажи мне все сначала, но только без слез.

Эмми кивнула и крепко сжала платок. Кажется, он действительно помогал.

– Джейн сказала, что я не должна говорить. Мы поклялись на крови. – Она подняла указательный палец, чтобы показать, где именно они с Джейн укололи себя иглами для вышивания. Никакого следа там, конечно, не осталось, но Эмми все равно дала Рии осмотреть свой палец. – Я обещала, мисс Эшби. Я дала клятву, понимаете?

– Я понимаю, но в том, что ты нарушила обещание, дурного нет. Нам всем очень важно найти Джейн. – Рия подумала, что будь Эмми на несколько лет старше, она не стала бы хранить обет так долго. Но в восемь лет девочка еще не может понять, что исполнение клятвы куда опаснее, чем неисполнение.

Она поверила словам старшей подруги о том, что с ней все будет в порядке, и открывать их тайну нельзя никому ни при каких обстоятельствах. Рия не могла не спросить себя,

отчего Джейн решила поделиться своей тайной именно с Эмми, но, в конце концов, хорошо уже то, что она хоть с кем-то поделилась. Может, выбор пал на Эмми лишь потому, что в глазах восьмилетней девочки приключение Джейн представлялось чем-то сказочным, а статус самой Джейн поднимался до статуса принцессы из сказки.

Рия пожала руку Эмми.

– Значит, Джейн сказала тебе, что собирается уехать с джентльменом.

– С настоящим джентльменом.

– Да, с настоящим джентльменом. – Рия не могла представить, что вкладывали в подобное понятие девочки. Джейн вполне могла считать настоящим джентльменом того, у кого под ногтями нет черного ободка, иди того, кто носит трость с хрустальным набалдашником. Едва ли у нее имелся достаточный опыт общения с настоящими джентльменами, чтобы составить о них более или менее четкое представление. – И что она говорила про настоящего джентльмена?

– Очень мало, мисс Эшби. Очень мало.

– Но что-то она говорила. – Рии страшно захотелось как следует потрясти девочку, чтобы вытряхнуть из нее слова, как монетки из копилки. – Думай, Эмми. Хорошенько думай.

Эмми сдвинула брови:

– Она говорила, что он красивый. На нем пальто, красивое, мягкое, как бархат, и с блестящими пуговицами.

– А какого цвета у него глаза, волосы?

Девочка лишь покачала головой.

– Сколько ему лет?

У Эмми дрогнула нижняя губа. Она сжала платок в руке изо всех сил.

– Она не говорила.

Возможно, Джейн и сама не знала, сколько лет ее «настоящему джентльмену». О росте мужчины спрашивать тоже бесполезно. Для Джейн, изящной, как куколка, любой джентльмен смотрелся настоящим титаном.

– Джейн что-то рассказывала о том, как и где они встретились?

Эмми снова покачала головой.

– Ладно. Не волнуйся. Расскажи мне, что ты знаешь.

– Она действительно его любит, мисс Эшби. Они сейчас уже женаты. Я уверена. Джейн так хотела выйти замуж.

– Джейн когда-то упоминала название Гретна-Грин? Ты помнишь, Эмми? Гретна-Грин.

– Нет. Никогда. А где это? Мы там ее должны искать?

В голосе девочки зазвучала надежда, которая надрывала сердце Рии.

– Это в Шотландии. Ты видела карту в классе. Помнишь, где Шотландия?

– Наверху.

– Да. Чтобы туда добраться, надо много дней, и едва ли мы сможем там разыскать Джейн или ее возлюбленного. – Эмми сидела у нее на коленях уже полчаса, ноги Рии затекли. Но Рия не торопилась просить Эмми пересесть. И не только из-за девочки. – Джейн не взяла с собой одежду. Почему, ты не знаешь?

– Я знаю почему. Джейн сказала, что у нее будет все новое. Он повезет ее к портнихе на Ферт-стрит и закажет...

– На Ферт-стрит, Эмми? Так Джейн сказала? Ты уверена?

Эмми сдвинула брови, посидела, насупившись пару секунд, но потом с ясным лицом повторила:

– Да, именно так она и сказала.

Свеча на столе яростно затрещала. Стараясь не беспокоить Эмми, Рия достала другую и зажгла ее, пока первая не потухла. Она осторожно поместила ее в шар из теплого воска и

удерживала там, пока воск не застыл. Все действия со свечой дались Рии не без труда. Руки ее дрожали.

Она следила за игрой света и тени, отблесками неверного пламени. Неужели ей действительно удалось отыскать зацепку?

– Ферт-стрит находится в Лондоне, Эмми. Может, есть и другие, но я знаю ту, что в Лондоне.

– Значит, хорошо, что я запомнила улицу?

– Очень хорошо. – Рия порывисто обняла девочку. – Давай подумаем, что ты еще можешь вспомнить.

Эмми так и не смогла больше ничего такого сообщить, что показалось бы Рии существенным. Когда Эмми начала зевать, Рия поняла, что больше ничего выжать не удастся. Она позвонила, и мисс Дженни Тейлор пришла забрать Эмми в спальню.

– Бедняжка, – посочувствовала мисс Тейлор, подхватив сонную девочку. – Измучилась, наплакалась.

– Да, верно, – кивнув, согласилась Рия, – но, как мне кажется, она дала намек.

– Какая вы умница. Тогда и вы заслужили отдых. – Помолчав, мисс Тейлор спросила: – Вам что-нибудь нужно, мисс Эшби?

– Спасибо, ничего. Я тоже ложусь спать. Утром я решу, самой ехать в Лондон или послать мистера Литтона.

– В Лондон? Туда, по словам нашей малышки, отправилась Джейн? – Пышный бюст мисс Тейлор поднялся и опустился в унисон с ее тяжелым вздохом. – Лондон велик, а мистер Литтон до сих пор не слишком нам помог.

Оба замечания вполне соответствовали действительности.

– Ферт-стрит не так уж велика. Не думаю, что там больше двадцати магазинов и уж никак не более десяти ателье. Даже мистер Литтон сможет выяснить что-то конкретное.

Рия заметила, что мисс Тейлор ее слова не убедили, поскольку она вообще имела к немцу особые претензии. И не без причины, ведь именно она предложила нанять его для поисков Джейн, когда Рия вернулась с похорон герцога.

– Посмотрим, мисс Тейлор. Я еще не решила, поеду ли в Лондон сама или пошлю за себя другого.

Мисс Тейлор улыбнулась, давая понять, что несколько не сомневается в способностях директрисы принять единственно правильное решение.

– Спокойной ночи, мисс Эшби.

– Спокойной ночи.

После ухода мисс Тейлор Рия принялась за дневник. Особенно подробно она описала события, последовавшие за вечерней молитвой в капелле академии. Неизвестно, что заставило Эмми нарушить обет молчания, – возможно, молитва. Эмми начала всхлипывать уже тогда, когда девочки покидали капеллу, и плакала она так горько, что ничего не помогало.

Нельзя сказать, чтобы Эмми не пытались успокоить. Все сотрудницы академии, в состав которой входили еще три учительницы, по очереди пытались утешить девочку. Но Эмми не вняла увещаниям ни миссис Абергаст, самой солидной из сотрудниц, ни пышнотелой мисс Тейлор. Даже мисс Вебстер, которую любая девочка могла разжалобить виноватой улыбкой, и та не могла остановить рыданий Эмми. Пришлось Рии разбираться самой.

Покончив с записями, Рия принялась готовиться ко сну.

Рия жила здесь же, при академии, и как директрисе ей полагалась не одна лишь спальня, а несколько, пусть небольших, но хорошо обставленных и удачно расположенных комнат. В ее распоряжении имелись спальня, гардеробная, смежная со спальней, гостиная для приема попечителей и кабинет для бумажной работы. Она очень не любила писать отчеты, но мирилась

с такой необходимостью, поскольку от правильности и корректности их составления зависела судьба академии.

После исчезновения Джейн у Рии появились все основания ожидать скорого увольнения, по меньшей мере, с поста директрисы, но совет попечителей вел себя так, словно ничего вопиющего не произошло. Рия полагала, что снисходительность попечителей объясняется, прежде всего, их достаточно безразличным отношением к судьбе воспитанниц. Вообще-то попечители приезжали в академию очень редко, благотворительность они предпочитали осуществлять, не покидая Лондона или своих загородных поместий. Отчасти Рию такое положение устраивало, поскольку давало ей свободу в принятии решений, но за советом обратиться ей было не к кому.

Она сочла необходимым сообщить своим спонсорам, что наняла мистера Оливера Литтона для поисков Джейн, и получила письмо, в котором ее действия одобрялись. Скорее всего, на большее участие с их стороны ей и не следовало рассчитывать. Она понимала, что попечители стараются оградить себя от скандала, а, следовательно, не станут предпринимать никаких действий от своего имени.

Тяжело вздохнув, Джейн села на кровать и стала расчесывать волосы щеткой. Краем глаза она могла видеть свое отражение в зеркале. Она старалась в том направлении не смотреть, поскольку выглядела не лучшим образом, и портить себе настроение еще сильнее совсем не хотелось.

– Вы выглядите чертовски плохо.

Рия отреагировала не так быстро. В первое мгновение она решила, что произнесла вслух собственные мысли. Но вскоре до нее дошло, что голос совсем не походил на ее собственный. Она удивленно подняла голову и повернулась в сторону голоса.

Уэст усмехнулся замедленной реакции хозяйки дома. Она напомнила ему марионетку, которую дергает за нитки неумелый кукловод. Он видел, как разжались пальцы, державшие щетку, и как щетка упала на постель. Он не против того, чтобы она молча смотрела на него во все глаза, ибо такое ее поведение давало ему возможность и ее как следует рассмотреть, а ему не очень нравилось то, что он видел. Она напоминала привидение, бестелесное создание, и дело не только в надетой на ней белой хлопчатобумажной рубашке. Уэст подумал, что она похудела килограммов на пять, хотя худеть ей уже некуда. На лице выступали обтянутые кожей скулы. Под глазами легли глубокие тени, отчего глазницы совсем запали. Волосы лишились блеска, несмотря на то, что свет от стоявшей на столе свечи падал на них. Может, если бы она надела свое черное бомбазиновое платье, в котором приехала в Лондон, то могла бы создать иллюзию, что у нее есть какие-то женственные формы. Но его она обмануть не могла.

– Чертовски плохо, – спокойно повторил он.

– Я хорошо вас слышала и в первый раз. – Рия подняла фланелевый халат, лежащий на кровати, и накинула его на плечи.

Уэст вошел в комнату, но дверь за собой прикрывать не стал.

– Вы непременно должны одеться. Здесь не очень-то тепло. Полагаю, вам нравится спать под тремя одеялами. – Не дожидаясь приглашения, он подошел к камину и подбросил в топку полено. Сняв перчатки, он оглянулся: – Пусть согреется до вашего возвращения.

– Моего возвращения? – Рия удивилась, как вообще смогла говорить. У нее создалось ощущение, что ей приходится бежать, чтобы не отстать от него, и ее взволнованный тон и учащенное сердцебиение подтверждали сложившуюся версию. – Куда я должна идти?

– В гостиную, я надеюсь. – Уэст снял шляпу и пальто и взял их под мышку. – Если, конечно, вы не имеете привычки проводить собеседования в спальне. Признаться, передо мной встает некая дилемма, и вы должны меня понять. Хотя я всегда выступал против всяких условностей, как ваш опекун я не могу поддерживать вас в стремлении принимать лиц мужского пола в такой интимной обстановке. Более того, я даже не могу себя рекомендовать как джентльмена.

Смысл сказанного таков: если вы не пойдете в гостиную, да побыстрее, мне придется самому убраться отсюда.

Рия никак не могла взять в толк, что все происходящее не сон, а явь. Она даже ответить адекватно ему не могла. Она лишь послушно встала, натянула халат, затянула пояс и лишь потом задала вопрос:

– Вы ведь понимаете, что я вас не приглашала войти?

– Вы могли бы сказать что-то в таком роде, когда я стоял в дверях.

Рия промолчала.

– Сюда, пожалуйста, – пригласила Рия, показывая дорогу. Взяв в руки подсвечник, она провела его в гостиную. Уэст зажег свечи на каминной полке и разжег камин. Он, похоже, решил, что в его обязанности входит зажигать огонь везде, где, по его мнению, не хватает тепла. Стоя у камина, он любовался своей работой, пока Рия занималась размещением его одежды. Она решила, что он забыл о ней, но не успела присесть на диван, как он, приблизившись, оказался рядом. Несмотря на то, что он находился в нескольких футах от нее, ей приходилось задирать голову, чтобы смотреть ему в лицо.

– В ваши намерения входит только самому воспользоваться результатами ваших трудов? – спросила она.

Уэст нахмурился, осмысливая ее слова, затем пришел к выводу, что, стоя напротив камина, забирает все тепло себе.

Когда он отошел в сторону, Рия почувствовала облегчение. Для нее было важно не столько то, что он заслонял собой тепло, сколько то, что свет, падавший со спины, затемнял его черты, делая их неразличимыми. Когда он сообщил ей, что она ужасно выглядит, он мог бы получить равноценный комплимент, если бы она захотела ему ответить.

– Спасибо, – поблагодарила она. – Вы не присядете? Лучше, чем ходить туда-сюда.

– Лучше для кого? – уточнил он. – Признаться, для меня лучше.

Уэст огляделся и выбрал стул, обтянутый парчой цвета изумруда, далеко не самый удобный, но Уэст, несмотря на долгое путешествие и поздний час, не стремился к комфорту. Скоро он вернется в гостиницу в Гиллхоллоу, задерживаться здесь надолго он не хотел.

– Хотите перекусить? – спросила Рия. – Я могу предложить вам чаю или вина. Из спиртных напитков у меня, кроме вина, ничего нет.

– Спасибо, ничего. – Он слегка прищурился, окинув ее взглядом. – Надо сказать, апломба у вас с избытком. Ни тебе истерик, ни требований. Вы вообще очень сдержанны, как я вижу.

Рия взглянула на каминные часы. Начало двенадцатого. Позднее, чем она думала. Малышку Эмми отнесли спать часом раньше. Не может быть, чтобы она целый час занималась писаниной.

– Я готова закатить вам истерику, если таким образом смогу ускорить ваши объяснения.

Он едва заметно улыбнулся:

– Прошу прощения за то, что явился к вам в столь поздний час. Я бы не зашел, если бы вы уже легли, но я видел, как вы проходили мимо окна, и знал, что вы не спите.

– Так вы за мной следили?

– На самом деле я осматривал школу и обнаружил с дюжину возможностей для предприимчивой девушки покинуть школу, не будучи замеченной. Решетки легко могут использоваться как лестницы, если они достаточно прочны, а с ними у вас все в порядке. Водосточные трубы можно употребить как для подъема, так и для спуска, если они прочно прикреплены к стене. Ваши укреплены прочно. Из чердачных окон тоже нетрудно выбраться по коробке водостока к восточной стене, где прислонена стремянка.

Рия удивленно открыла рот.

– Ремонт крыши, – пояснила она. – Лед повредил черепицу.

– Да, я тоже так подумал. Я рекомендовал вам попросить рабочих убирать стремянку, когда они заканчивают работу. – Он продолжал, загибая пальцы: – Изнутри двери посажены на хорошо смазанные петли, что, конечно, похвально, если речь идет о перемещении внутри школы. Полы у вас скрипят не слишком сильно, а лестница, хоть и скрипит местами, снабжена широкими, отлично отполированными перилами, предлагающими бесшумную и быструю альтернативу. Полагаю, на всех окнах есть задвижки, хотя они представляют скромную меру против незваных пришельцев. Но задвижками девочек внутри не удержишь.

Рия давно успела закрыть рот, и глаза ее гневно сверкали.

– Здесь школа, ваша светлость, а не тюрьма. И живущие в ней девушки – ученицы, а не заключенные.

– Тогда вы не должны возражать против их побегов отсюда.

– Нет. Да. Конечно, я против того, чтобы они отлучались без присмотра и разрешения. – Она нетерпеливо взмахнула рукой. – Мы не о том говорим. Может быть, вы все же расскажете мне, как попали в школу?

Если она надеялась, что заставит его оправдываться, то глубоко ошибалась.

– Я воспользовался входной дверью, – как ни в чем не бывало ответил Уэст.

– Она же заперта.

– Но не на засов.

– Я сама установила засов перед вечерней молитвой.

Он пожал плечами:

– Я же вам говорил: засов – мера против незваных гостей, но для тех, кто внутри, он препятствий не представляет.

– Вы понимаете, что здесь школа, – повторила она. – Школа, а не сумасшедший дом. Вы... – Тут она замолчала, наконец осознав сказанное им. – Вы хотите сказать, что дверь кто-то отпер изнутри?

– Разве я не ясно говорю? Я думал, что все понятно объяснил. Да, именно так. Одна из ваших воспитанниц выскользнула за дверь и встретила с пареньком, который ждал ее в березовой роще в сотне ярдов от школы. Она там недолго пробыла, хотя, я думаю, парой страстных признаний они успели обменяться; И, о да, я видел, как он передал ей записку. Вы не поверите, но они не целовались. Я думаю, что ваша воспитанница хотела бы, но паренек держал себя в узде. Не могу объяснить, почему он так поступил. Может, вообразил, что влюблен, и счел отказ от зова плоти проявлением рыцарского отношения к даме. Но, – чуть иронично закончил Уэст, – Мои друзья тоже называют меня романтиком.

Рия не нашла в себе духу назвать его сумасшедшим.

– Что, сдулись паруса? – спросил Уэст. – Может, сами хотите выпить? Несколько минут назад вы куда лучше владели собой. Плохой знак. – Он выпростал руку, призывая ее оставаться на месте. – Я принесу. Вы храните вино в буфете?

Она кивнула.

Уэст налил ей половину стакана красного.

– Возьмите. Не повредит.

Рия с трудом заставила себя не выпить содержимое одним глотком.

– Она вернулась?

– Ваша юная леди? Да, она даже не стала дожидаться, пока ее ухажер уйдет. – Уэст сел на стул. – Она вернулась, закрыла дверь на засов и, как мне думается, напрямик побежала к себе в спальню. Но я-то уже прошел внутрь, так что ее манипуляции с засовом не имели никакого значения.

– Понятно, – пробормотала она, чтобы что-то сказать. На самом деле она поняла далеко не все. Ей вдруг пришло в голову, что надо узнать, о какой именно девушке он ей говорил.

Впрочем, она и сама могла догадаться. – Вы не могли бы описать мне девушку? Мне следует поговорить с ней утром.

– Конечно, я могу ее описать, но только не буду. Ничего плохого не случилось. Не думаю, что вам стоит опасаться проблем с той стороны. Парень, кажется, вполне порядочный. Думаю, девушка обойдется без нотаций.

– Решения принимаю я. В конце концов, я здесь начальница, и вопиющее нарушение правил со стороны одной из моих подопечных привело к тому, что вы оказались здесь.

– Мне кажется, я упомянул несколько других способов, с помощью которых можно попасть в школу.

– Да, но, используя иной метод вторжения, вы могли бы, по крайней мере, сломать себе шею.

– А, – протянул он, – так вы бы предпочли найти меня распростертым на колючках поутру.

– Я бы предпочла, чтобы вы упали не на колючки.

Уэст рассмеялся:

– Какое у вас холодное сердце, мисс Эшби!

Рия едва сдерживала улыбку. Его непринужденный смех заразил ее, и она не смогла устоять.

– Вы видели Эмму Блейкли, – проговорила она. – Я знаю, что она флиртует с деревенскими парнями. – Рия допила вино и поставила стакан. – Что привело вас в Гиллхоллоу, ваша светлость? Вы постарались не оставить у меня надежд на то, что вы поможете с поисками мисс Петти.

– Вы правы.

– Только не говорите, что вы передумали.

– Скажем так, ту помощь, которую я могу вам предложить, я предлагаю на своих условиях.

– Что вы имеете в виду?

Уэст откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди – поза расслабления и выживания.

– Я решил присоединиться к совету правления попечителей академии мисс Уивер для юных леди.

Глава 4

– Вы серьезно?

– Вы говорите так, словно совершенно мне не верите. Уверю вас, я абсолютно серьезен. Список попечителей заведения действительно выглядит весьма солидно. Почему бы мне не пополнить славную когорту благотворителей?

– Как быстро вы стали тщеславным. Пожалуй, тут надо сделать паузу. – Рия действительно сделала паузу. – Ну все, можно продолжать. Видит Бог, какое облегчение!

Он вздернул бровь:

– Вам моя идея пришлась не по вкусу.

– Ваша светлость действительно имеет привычку недооценивать себя и других. Мне ваша мысль ненавистна. Меня, по правде сказать, от нее тошнит.

– Прошу вас, не играйте словами. Говорите именно то, что думаете.

Рия улыбнулась, но как-то совсем невесело.

– Простите меня, – продолжала она. – Простите за то, что терпите мои слова.

– Ну, теперь вы меня недооценили, мисс Эшби. Я не такой неженка. Скажите, почему мне не следует вступить в попечители.

– А зачем? Вы и так имеете значительное влияние на меня как опекун. Или вы хотите полностью взять под контроль данный аспект моей жизни? Ваш отец имел милость не вмешиваться в дела школы.

Уэст сделал над собой усилие и пропустил замечание насчет отца мимо ушей. Он не мог сначала призывать ее к свободному изъяснению мыслей, а потом укорять за неосторожные высказывания.

– Я не хочу на вас давить. Заставлять вас исполнять мою волю. Вы все еще хотите от меня помощи, или я ошибаюсь? Мисс Джейн Петти еще не вернулась в школу, не так ли? Согласно последним запросам, которые я сделал из Лондона, она все еще числится пропавшей.

– Вы наводили справки? У кого?

– Вы заметили как-то, что у меня есть связи в министерстве.

– Да, но...

– Вот я и использовал свои связи, мисс Эшби, от вашего имени. Я сожалею, что мои знакомые пока не смогли помочь найти Джейн, но кое-какую пользу мне все же извлечь удалось. Того, что я узнал, достаточно, чтобы я приехал сюда.

Рия заморгала от неожиданности. Ей вдруг захотелось плакать. Лишь бы только удалось сохранить самообладание и не разреветься перед этим человеком!

– Спасибо, – еле пролепетала она. – Спасибо вам.

– Сберегите свою благодарность до того момента, когда я действительно смогу что-то сделать. – Он склонил голову набок и окинул ее внимательным взглядом. – Я понял, что вы не хотите зависеть от меня. Не хотите, чтобы я слишком совал нос в ваши дела. Но помимо них, есть ли еще какие-то обстоятельства, препятствующие моему вступлению в совет?

– Думаю, нет. Хотя я все равно не могу понять, чего вы добиваетесь.

– Сделайте милость, мисс Эшби.

– Я ведь не приставляла вам нож к горлу, не так ли?

Он захохотал, игнорируя ее попытки заставить его смеяться тише.

– Вот истинное доказательство вашей благотворительности по отношению ко мне! – воскликнул он, отдышавшись.

– Вас могут услышать, если вы будете так громко разговаривать.

Уэст пожал плечами:

– Ну и что? Я – ваш опекун. Нас обвинят в том, что мы устраиваем тайные свидания в ваших апартаментах.

Рия насмешливо поджала губы:

– Вы говорите несерьезно.

– Конечно, нет. Но признаюсь, крайне забавно наблюдать за тем, как бы вы выпутывались. – Уэст мудро решил сменить тему. У Рии слишком воинственный вид. – Мне кажется, я мог бы помочь вам больше, если бы стал попечителем и имел неограниченный доступ к школе, но в качестве опекуна мои действия вызовут кривотолки, тем более что покойный герцог в школе не появлялся.

– Он посещал школу, – возразила Рия. Она видела, как взмыла вверх темно-рыжая бровь. – Однажды.

– Да. Я так и думал.

«Интересно, кто его информировал? – подумала Рия. – Неужели лорд Тенли? Уильям не стал бы делиться с ним такой информацией по доброте душевной». Его бесило, когда герцог уделял ей время.

– Тогда вы должны также знать, что попечители здесь тоже нечастые гости.

– Но они бывают наездами в школе.

– Конечно.

– И если они имеют желание посетить школу, оно приветствуется?

– Разумеется.

– Значит, они могут приезжать, когда им вздумается.

– Да.

– Вот что мне и нужно. Приезжать в любое время, и чтобы мой приезд не комментировался. Так что не пытайтесь меня разубедить. У меня есть свои причины взяться за ваше дело.

– Вы не хотите мне о них рассказать?

– Нет.

– Но...

– Нет, – повторил он. – Вы непредсказуемы. Я не знаю, что вы выкинете, когда узнаете о них. Я еще не забыл о вашей поездке в Лондон без сопровождения, без предварительного заказа гостиницы. Вам хватило лишь вашей веры в то, что я шпион, и странной убежденности в моей помощи.

– И все же вы здесь.

Он пристально смотрел на нее:

– Я здесь потому, что мне так хочется. И вам бы лучше особенно в мои поступки не вникать, чтобы не делать далеко идущих выводов. Я оказался в довольно запутанной ситуации, и не только я, но и все мои друзья заодно, причем один из них, что называется, влип по-крупному. Вас не должно удивлять, что я решил немного отдохнуть от столицы. Кроме того, пора бы уже мне познакомиться со своими владениями. Лорд Тенли до сих пор живет в Амбермеде, и мне бы хотелось обсудить с ним вопросы нашего дальнейшего сосуществования.

Рия впервые задумалась о том, что Уэст, возможно, вообще никогда не ступал за порог усадебного дома. Будучи на попечении у герцога, она неоднократно бывала там, а вот Уэст – едва ли. Кто бы ему позволил?

– Вы потребуете, чтобы лорд Тенли съехал?

– Нет. Пусть он сам выберет, уезжать ему или оставаться. Я все равно не собираюсь задерживаться в Амбермеде больше чем на пару недель.

– Надо ли мне понимать вас так, что вы намерены стать частым гостем в Гиллхоллоу?

– В городке – нет. Но в школе – да. Я собираюсь при первой возможности нанести визит мистеру Беквиту в Санбери и сообщить ему о своем интересе к академии. Как я понимаю, он пробудет там всю зиму. Посмотрим, как все получится.

– Не думаю, что он придет в восторг от такой чести и пригласит вас стать членом правления.

– Может, до него еще не дошли вести о том, что я больше не бастард.

– Думаю, во всей Англии не найдется человека, который не слышал бы истории о том, как герцог провозгласил вас своим законным сыном и наследником. – Рия сделала паузу. – Я вижу, что вы снова недооценили сенсационности вашего вступления в наследство.

– Вы правы. – Она улыбалась. Ее рот, крупный, с полными губами, привлек внимание его светлости. Уэст был не против почувствовать вкус ее губ. – Я думаю, мистер Беквит выслушает меня, и, быть может, я смогу его убедить оказать мне содействие. – Он видел, что Рию ему убедить не удалось. – Я настолько сильно внушаю неприязнь?

– Нет, – торопливо возразила она. – Я так не думаю. Просто совет попечителей – очень закрытая организация.

– В самом деле? – Уэст решил, что Рия почти ничего не знала о попечителях академии мисс Уивер. Она знала лишь то, что они хотели показать ей или общественности. – Вы не могли бы рассказать мне о них подробнее.

– Ну, школа – очень старое учреждение, – начала Рия. – Ее основала в 1725 году группа джентльменов из Лондона с прогрессивными взглядами на женское образование. Теперешние попечители – в основном представители второго и третьего поколения тех отцов-основателей. Забота о спонсировании школы передается из поколения в поколение как одно из условий наследования. Вот так все и происходит. Предки вашего отца не входили в число основателей школы. Вот почему, я думаю, они не примут вас в свой круг.

– Возможно, вы и правы. Скажем так, я попытаюсь бросить вызов обстоятельствам, но для меня не впервой стоять под окнами булочной, прижавшись носом к стеклу. Если мне действительно хотелось сладкого, я находил способ попасть внутрь.

– Например, сегодня. – Рия покраснела, осознав, как он мог интерпретировать ее слова, и отвела взгляд. – Я не хотела сказать, что...

– Вы не хотели сказать, что вы и есть то лакомство? – Он засмеялся низким негромким смешком, вполне двусмысленным. – Вы краснеете, мисс Эшби, вам очень идет. Без румянца вы слишком бледны. Однако ваша неловкость настолько ощутима, что я не решаюсь дразнить вас дальше. В будущем, я надеюсь, вы научитесь держать себя в руках, иначе ваша компания будет для меня слишком утомительной.

Она вскинула голову, и зло на него уставилась.

– Какой замечательный ответный ход! Молодец.

– Вы неисправимы.

– Так все говорят, кто хорошо меня знает.

– Надо же, и я пришла к такому же выводу при столь недолгом знакомстве. Выходит, я умная.

Уэст усмехнулся:

– Теперь вижу, вы окончательно обрели почву под ногами, мисс Эшби. – Он наклонился вперед, упершись локтями в колени. – Хватит про попечителей. Расскажите мне о парне, которого вы наняли. О... мистере Литтоне. Кажется, так его зовут? Как я понимаю, он свое пока не отработал.

Рия покачала головой. Она больше не сомневалась в способностях Уэста. Удивления она не чувствовала.

– Он меня разочаровал. Вначале я питала какие-то надежды, но теперь я вижу, что сам он сделать ничего не может.

– Но, по-видимому, дело не в нем. Возможно, тут никто ничего сделать не может. Вы должны учитывать такую возможность, мисс Эшби. Мисс Петти, быть может, навсегда для вас потеряна.

– Я рассматривала такой вариант, – призналась Рия, хотя саму мысль, что Джейн не найдется, она не допускала. – Но сегодня одна девочка, по имени Эмми, кое-что рассказала мне, и то, что она поведала, вселяет надежду.

Уэст бросил взгляд на часы. Он отнял у нее куда больше времени, чем намеревался. Он не сожалел о том, что пришел в школу, но в планы его входил лишь поверхностный осмотр помещений школы, а затем он собирался вернуться в гостиницу. Наблюдая за мисс Эммой Блейкли, он решил проникнуть в здание лишь затем, чтобы продемонстрировать Рии, что такое возможно. Он и так сильно злоупотребил ее гостеприимством. Сведения, о которых говорила Рия, свалились на него, словно яблоко, которым Ева дразнила Адама.

Уэст проглотил наживку:

– Кто такая Эмми?

– Эмми тоже учится здесь.

– Ей столько же лет, сколько мисс Петти?

– Эмми восемь.

Уэст разочарованно вздохнул, но постарался взять себя в руки. Рия, по всей видимости, считала Эмми надежным источником информации, и он не хотел разуверять ее.

– Эмми знает, где находится мисс Петти?

Рия покачала головой и начала рассказывать Уэсту, что узнала от Эмми. Уэст слушал не перебивая. Когда Рия упомянула Ферт-стрит, Уэст лишь кивнул.

– Разве я вас не обнадежила? – спросила Рия, не дождавшись от Уэста никаких комментариев.

– Зацепка есть, но ничего обнадеживающего.

Рию больно задел вердикт Уэста.

– Информация скудная и может ни к чему не привести, – произнес он, но, увидев, как изменилась в лице Рия, поспешил добавить: – Я не хотел разрушить ваши надежды, я лишь обрисовал перспективы. Вы получили сведения от ребенка, даже не подростка – маленького, неразумного. У меня нет опыта общения с детьми, который имеете вы, но не всегда стоит полностью доверять тому, что говорят дети.

– Эмми не лгунья.

– Я и не говорил, что она врёт. Скорее всего, она сказала то, что действительно считает важным. Я уверен, она не раз прокручивала в памяти разговор с Джейн, терзаемая чувством вины. Представляла, что разговаривает с Джейн. Может, что-то и сама додумала, а потом убедилась, что именно так оно и происходило. Она могла бы и ухажера Джейн описать в подробностях, только толку от такого описания никакого.

– Я тоже об этом думала, – тихо призналась Рия. – Что мы можем сделать?

– Я завтра сам ее спрошу. Если она скажет, что Джейн уехала в Гретна-Грин, то мы пойдем, насколько она внушаема.

– Тогда мне не следовало называть город?

– Увидим, – ответил Уэст, пожав плечами.

– А как насчет портнихи?

– Вы дадите мне описание Джейн и ее портрет, как можно более близкий к оригиналу. У вас есть ее портрет? Хотя бы маленький, для медальона?

Рия покачала головой:

– Нет, ничего такого Джейн не имела. Но мисс Тейлор учит девочек рисовать акварелью, и она – лучший художник из тех, что есть в нашем распоряжении. Думаю, она уже сделала мистеру Литтону рисунок Джейн – такой же, какой нужен вам. Я попрошу ее сделать еще один.

– Пусть сделает два. И описаний мне тоже надо несколько. Я отправлю одно описание и один портрет в Лондон, а второй экземпляр описания и рисунка оставлю у себя.

– Значит, вы сами не поедете на Ферт-стрит?

– Мисс Эшби, я только сегодня приехал сюда. Я не могу гоняться по всей Англии, словно гончий пес. Кроме того, подобное поручение может выполнить любой человек, обладающий терпением и прилежанием: заходить в каждое ателье и показывать портрет и описание мисс Петти каждой портнихе. У меня для такой работы просто терпения не хватит. А вот расспросить вашу Эмми я смог бы профессионально. Позвольте мне для рутинной работы использовать собственные связи. – Уэст усмехнулся, представив, как обрадуется полковник такой просьбе. Похоже, они поменялись местами. Временами случалось, что один из членов Компас-клуба попадал в немилость к полковнику, но чтобы полковник попал в немилость к кому-то из членов клуба, такое случалось нечасто. Уэст подумал, что Блэквуд мог бы пойти на многое, лишь бы выбраться из того затруднительного положения, в котором оказался. Вот так, узнав о встречах полковника с покойным герцогом и сообщив ему о них, Уэст кое-чего для себя добился. Справедливая компенсация за причиненную обиду!

– Вас что-то позабавило? – спросила Рия, заметив промелькнувшую на лице Уэста улыбку. Ямочка появилась и исчезла, лишь подразнив. Всякий раз, когда она появлялась, Рия ощущала себя мотыльком, летящим на пламя. – Должна признаться, я не нахожу ничего...

Уэст вскинул руку:

– Так, одна мыслишка. Простите за несвоевременность.

Рию в очередной раз обезоружила естественность его поведения. Ее беспокоило, с какой легкостью пробивал он брешь в ее самообороне. Ему даже не требовалось бряцать оружием.

– Когда вы приедете завтра? В котором часу?

Уэст понял, что пора уходить. Он поднялся, слегка расставив ноги, заложив руки за спину.

– Если вам удобно, я бы пришел до полудня.

– Отлично. Вы с нами пообедаете?

Уэст представил себе, каково обедать в окружении пяти десятков юных леди, трех учительниц и директрисы. Картина получалась удручающая.

– Может, в другой раз.

– Знаете ли, попечители обычно остаются с нами обедать. Приезжает ли один из них или несколько, они всегда сидят во главе стола. И знаете, никто из них еще не умер.

Он понял, что она бросает ему вызов.

– Значит, – слегка приподняв бровь, уточнил он, – вы думаете, что я боюсь?

– Вы побледнели, ваша светлость.

– Хорошо, – пробурчал он; – Я согласен, мисс Эшби.

– Bravo. Вы не посрамили честь мундира. Крепки как камень.

Рия не почувствовала, что перешла грань, и осознала сделанное, лишь когда Уэст, мгновенно преодолев разделявшее их расстояние, схватил ее за талию и прижал к себе. От неожиданности она запрокинула голову. Его лицо оказалось так близко от ее лица, что, когда он заговорил, дыхание его зашепотало ей губы.

– Может, проверим вас на крепость, мисс Эшби?

Она инстинктивно напряглась, сразу осознав, что у него на уме. Он тоже бросал ей вызов. И ответом на него стало не сопротивление, а отсутствие такового. Она замерла и опустила ресницы.

Он коснулся губами уголка ее губ совсем едва, без всякого нажима. Затем скользнул вдоль. Она ощутила контакт, теплый и влажный. Рот ее сам приоткрылся, в ответ получив вознаграждение – кончик языка вошел в него.

Руки Рии повисли вдоль тела, она не пыталась его оттолкнуть. Она не боялась его действий, если ответит ему взаимностью. Она боялась себя. Он прав, подозревая, что она доверяет ему, но не себе.

Уэст поднял голову и медленно отстранился. Он продолжал удерживать ее в объятиях, одна ладонь лежала у нее на спине, другой он поглаживал шелковистые волосы. Она не дрожала, но и прочно на ногах тоже не держалась. В ее реакции заключалось нечто большее, чем сладкая невинность. Она своим поведением как бы дарила обещание страсти, удерживаемой на коротком поводке.

Он улыбнулся. В очертаниях его губ появилось что-то по-настоящему дьявольское. Улыбнулся и снова склонил голову, чтобы поцеловать ее. Ему не пришлось ее подбадривать. Она загорелась как свечка. Он не держал ее крепче, ладонь его так и оставалась на ее спине. Она сама потянулась к нему, вцепившись в плечи, прилипла как пиявка, сама подставила ему рот. Теперь он уже держал в объятиях не привидение, а женщину, пусть легкую и стройную, как тростинка.

Уэст закрепил преимущество и углубил поцелуй. Он прошелся языком по ее верхней губе, скользнул внутрь, по кромке зубов. Она чуть прикусила его, и Уэст почувствовал, как она вздрогнула в ответ на усилившееся давление на ее живот.

На сей раз Уэст решительно отстранил ее от себя и больше не делал попыток удержать ее на ногах.

– Не знаю, что случилось – избыточная храбрость или глупость, но я вам обещаю вторично перчатку не бросать.

Она заморгала. Равновесие, душевное и физическое, нарушилось в ней до такой степени, что она уже не могла скрывать, как он ранил ее самолюбие.

– Конечно, – с похвальным достоинством произнесла она. – Я буду рассчитывать на то, что вы продемонстрируете достаточно здравого смысла и благоразумия, которые вполне естественно мне, вашей подопечной, ожидать от вас, моего опекуна.

– Прямое попадание, мисс Эшби. – Удар настолько прямой и точный, что кровь как-то сразу отхлынула от того места, где уже явственно виднелась солидная припухлость. Он тоже получил урок. – Нижайше прошу у вас прощения. – Не дожидаясь принятия извинений, Уэст, забрав пальто и шляпу с перчатками, покинул комнату. Он задержался на пороге лишь для того, чтобы напомнить ей о необходимости закрыть дверь на задвижку, и ушел.

* * *

В гостинице Гиллхоллоу боролись за клиентов, предоставляя дополнительное обслуживание, и одна из девушек, в обязанности которых входила особая забота о клиентах, забралась к Уэсту в постель. Он позволил ей приласкать себя и руками, и языком, оплатив ей той же монетой, но забираться на нее не стал. Отказ разозлил девушку, ибо она справедливо рассчитывала на заработок. Уэсту не захотелось объяснять ей, что в его намерения не входит улучшать демографическую ситуацию ни в этом графстве, ни в каком-либо другом, плодя бастардов. В конце концов, она выпорхнула из его номера. Техника у нее неплохая, но мастерством его уровня она не обладала.

Слуга разбудил его в условленный час, и Уэст несколько раз выругался, хотя без особого желания. Как обычно, Флинч страдал молча, давно решив для себя, что плохое настроение Уэста по утрам – его крест, который ему придется нести до тех пор, пока он служит у него.

– Вы хотите остаться здесь еще на сутки? – спросил Флинч.

Он вытер шею и подбородок Уэста от остатков пены и тщательно осмотрел плоды собственных усилий.

Уэст снял полотенце, повязанное вокруг шеи, и протянул его слуге.

– Ты ведь не перерезал мне горло, Флинч?

– Как всегда, я избежал искушения.

– Молодец. – Уэст встал и накинул халат. – Мы не останемся здесь еще на одну ночь, Флинч. Я бы предпочел отправиться в Амбермед. А ты сообщи остальным, что мы уезжаем из Гиллхоллоу, скорее всего вечером. Я поеду в школу верхом. Я еще не решил, возьму ли с собой мою подопечную, но на всякий случай подготовься к тому, что она поедет с нами.

Флинч если и удивился, то постарался скрыть свои чувства. Разве что моргнул лишний раз.

– Разумеется. Я принесу грелки для ног. Уэст искоса взглянул на слугу:

– Лучше позаботься о том, чтобы и ее багаж поместился в карете. Хотя твоя мысль насчет грелок довольно интересна. Я дам тебе знать, если они действительно понадобятся.

– Как пожелает ваша светлость.

В реакции слуги он не заметил даже намека на приятное волнение, но Уэст готов был поклясться, что Флинч взволнован и приятно удивлен.

– Ты продолжаешь меня удивлять, Флинч.

– О, надеюсь, что не так. Свою задачу я вижу в том, чтобы вы могли всегда на меня положиться. Удивление идет в противоречие с ней, ибо свидетельствует, что я не смог адекватно реагировать на ситуацию.

Две глубокие вертикальные складки легли между бровями Уэста. Он замер с сюртуком, наполовину надетым, и подозрительно окинул взглядом породную фигуру слуги.

– Один из них тебя надоумил, – медленно проговорил он. – Так? Один из них стал твоим кукловодом, а ты – его марионеткой.

– Я представить не могу, о чем говорит ваша светлость. Лицо Уэста прояснилось, когда он все понял. Уэст рассмеялся:

– Отрицай, Флинч, или нет, тебе не поможет. Я и представить себе не мог, что ты умеешь говорить таким несносным тоном, до тех пор, пока на меня не свалился треклятый титул. Будь он неладен! Когда я представлялся просто Эваном Марчменом, ты вел себя по-другому. Я прошу тебя вернуться к себе прежнему. Я не могу изменить ход твоих мыслей, но не выражай свои мысли вслух, пожалуйста. Итак, кто из них заплатил тебе за то, чтобы сделать из меня человека?

– Я не мог бы сказать, ваша светлость.

– Конечно, нет. Но если я угадаю, ты мог бы дать мне знак. Моргнуть, например, или кивнуть. Подмигни, в конце концов.

Флинч прочистил горло и тем же тоном, каким высказывал все свои прочие соображения – совершенно лишенным эмоциональной окраски, – проговорил:

– Я уверен, что вы бы не хотели, чтобы я вам подмигивал.

– Тут ты прав. Тогда кивни.

Слуга кивнул.

– Нортхем? – Когда реакции не последовало, Уэст сделал другое предположение: – Нет, вероятно, Нортхем слишком сноб для такого рода штучек. Истлин? – И снова никакого кивка. – Верно, Истлин сам весь в проблемах, едва ли он стал бы взваливать на себя еще и мои. Остается Саут. Он-то от всей души веселился, глядя, как я раскачиваюсь на виселице, что соорудил для меня покойный папаша. – Флинч и глазом не повел. – Так в чем тут дело – ни один из них не замешан, или ты не хочешь реагировать?

Флинч выразительно кивнул.

Уэст всплеснул руками, и неизвестно, чего больше заключалось в жесте – раздражения или признания поражения. Но если превалировало последнее, то лишь временно.

– Я узнаю, Флинч. А пока держись. Уверен, что тебе хорошо заплатили за то, чтобы ты мне досаждал.

– Я бы так не сказал, – заметил Флинч. – Из всех странных идей, что приходят в голову знатым господам, последняя – далеко не худшая.

Уэст закатил глаза к потолку и взял шляпу.

– Пока, Флинч. – Он быстро вышел, удивляясь тому, что сумел оставить за собой последнее слово.

Академия мисс Уивер располагалась в солидном особняке из серого камня в двух милях от городка. Лесистую местность, приятную для глаз весной и летом, в полной красе представляли серебристые березы, каштаны с раскидистыми кронами, заматерелые дубы и высокие сосны. Однако зимой голый лес выглядел мрачновато. Садовник следил за тем, чтобы живая изгородь выглядела аккуратно постриженной, а небольшая отара овец так же усердно следила за состоянием лужайки, лениво пощипывая траву у кромки дороги, по кольцу огивавшей школу. Они с трудом разыскивали зеленые, не покрытые снегом островки. При появлении всадника лишь немногие животные подняли свои шерстяные головы и без энтузиазма заблеяли. Садовник сразу признал в Уэсте человека солидного и почтительно поздоровался с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.